

«Искусно сотканная история о силе семьи, пронизанная не только волшебством, но и тайной. Эта книга просто великолепна».

Виктория Шваб, автор бестселлера «Незримая жизнь Адди Ларю»

ЗОРАЙДА КОРДОВА

18+



НАСЛЕДИЕ
БОЖЕСТВЕННОЙ
ОРХИДЕИ

Young Adult. Магический мир Зорайды Кордовой

Зорайда Кордова

Наследие Божественной Орхидеи

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кордова З.

Наследие Божественной Орхидеи / З. Кордова — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Магический мир Зорайды Кордовой)

ISBN 978-5-04-172831-1

Зорайда Кордова — популярный автор более десятка Young Adult романов и рассказов. Помимо написания романов, она является одним из организаторов We Need Diverse Books, соредактором бестселлера «Вампиры не стареют», а также соавтором авторского подкаста Deadline City. Зорайда родилась в Гуаякиле, Эквадор, но называет Нью-Йорк своим домом. Номинация Best Science Fiction and Fantasy 2021. Выбор INDIE NEXT LIST pick for September 2021. Лучшая книга по версии Amazon. «Наследие Божественной Орхидеи» — это поистине волшебная история, сочетающая мистический мир с приземленной реальностью одной семьи. Зорайда Кордова мастерски раскрывает тайну того, кто такая Божественная Орхидея, исследуя сложности целого поколения ее семьи. Никто не мог объяснить, каким загадочным образом в городе Четыре реки внезапно появился дом. И никто не знал, откуда взялась живущая в нем женщина по имени Орхидея Монтойя. Местные жители считали ее колдуньей, потому что возле ее дома посреди засушливой долины возник оазис. Она прожила долгую жизнь и оставила после себя множество секретов и тайн. Семь лет спустя после ее смерти некий светящийся силуэт начинает уничтожать род Монтойя. Чтобы спастись от гибели, четверо наследников Орхидеи отправляются в Эквадор — место, где скрываются тайны ее прошлого. Для фанатов Элис Хоффман, Исабель Альенде, Сары Эдисон Аллен и Сандры Сиснерос.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-172831-1

© Кордова З., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I. Приглашение на смерть	7
0. Приглашение	7
1. Женщина и дом, которых раньше не было	8
2. Наследники Божественной Орхидеи	15
3. Девочка, выросшая под открытым небом	25
4. Паломничество к Четырем Рекам	28
5. Цветок на берегу реки	32
6. Первая смерть Божественной Орхидеи	35
7. Девочка и речное чудище	44
8. Обретение удачи	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Зорайда Кордова

Наследие Божественной Орхидеи

© Н. Кротовская, В. Кулагина-Ярцева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

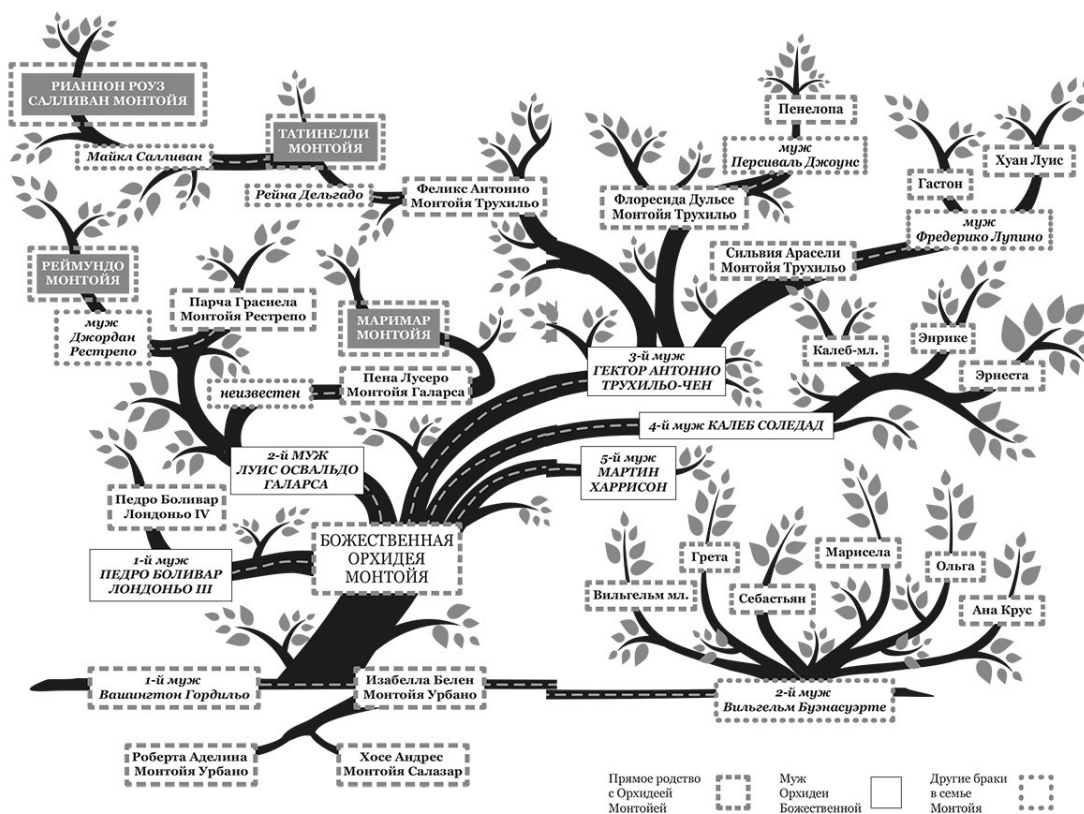
* * *

Посвящается Рут Александрина Герреро Кордильо

*Пусть луна освещает
Ночи моей печали,
Пусть наполнит мечтами
Туманные синие дали.*

*Померкли луна и звезды,
Во тьме без тебя страдаю.
Мечтать о тебе не смею,
А без мечты умираю.*

Альваро Каррильо, «Лунный свет»



Часть I. Приглашение на смерть

0. Приглашение

*Вы приглашены ко мне домой на 14 мая Года Колибри.
Пожалуйста, приезжайте не ранее 13:04, потому что мне нужно многое
уладить до этого события. Звезды сошлись. Земля совершила оборот.
Время пришло. Я умираю. Приходите и заберите свое наследство.
Вечно ваша, Орхидея Монтойя*

1. Женщина и дом, которых раньше не было

На заре многих дней на этом месте ничего не было, кроме бесплодной земли. Но вдруг здесь появились дом, женщина, ее муж и петух. Семья Монтойя прибыла в город Четыре Реки среди ночи, их не встретили ни фанфарами, ни подарками из вагончика¹, ни переваренной зеленой фасолью, ни слоеными яблочными пирогами, которые обычно предлагают новым соседям, чтобы с ними познакомиться. По правде говоря, люди в Четырех Реках перестали обращать внимание на то, кто сюда приезжает или отсюда уезжает, еще до их прибытия.

Найти город на карте вряд ли было возможно, дороги кругом по большей части гравийные, а знали о нем только те, кто остался там жить. Да, там когда-то были железные дороги; прекрасные железные артерии, проложенные в каменистой почве, связывали пыльное сердце страны с ее лицом, которое менялось в зависимости от того, где проходили эти линии.

Путешественник, случайно свернувший здесь с автомагистрали, мог воспользоваться бензоколонкой и зайти в старенькую закусочную. Когда приезжий спрашивал, какие же четыре реки дали название городу, местные скребли в затылках и отвечали так: «Ну, все эти реки пересохли уже к 1892-му».

Кроме бензоколонки Гаррета и закусочной «Радость», предлагавшей невразумительный кофе за 1,25 доллара, Четыре Реки обладали населением численностью семьсот сорок восемь человек, фермерским рынком, магазином писчебумажных принадлежностей, восьмым по величине в мире метеоритным кратером, местом якобы захоронения динозавров (разъяренные палеонтологи, разоблачив обман, не похвалили за шутку выпускной класс 87-го года), единственным на многие мили пунктом видеопроката, средней школой (победитель в региональном футбольном чемпионате 1977 года) и самым маленьким почтовым отделением в стране, которое служило единственным препятствием тому, чтобы город превратился в призрак.

Город был особенным тем, что было у всех ныне живущих, но теперь забылось. Он был, в самом общем смысле, не чужд магии. В мире существуют места, где энергия сконцентрирована настолько, что они становятся точкой встречи добра и зла. Они зовутся связующими звеньями. Зовутся лей-линиями. Зовутся Эдемом. С течением столетий, по мере того как Четыре Реки теряли свои водные ресурсы, магия города тоже блекла – и теперь слабо билась под сухими горами и равнинами.

Этого биения было достаточно.

В глубине долины, где когда-то пересекались четыре реки, Орхидея Монтойя построила дом в 1960 году.

«Построила» не слишком подходящее слово, ведь дом словно возник из воздуха. Никого не было там, когда закладывался каркасный фундамент или крепились ставни, и ни один местный житель не мог вспомнить, что видел тракторы и бульдозеры или строителей. Но вот дом появился. Пять спален, открытая гостиная с камином, две ванных комнаты и еще один отдельный туалет, кухня с любовно подобранной техникой и панорамная веранда с небольшими качелями, откуда Орхидея могла наблюдать, как меняется мир вокруг. Самым непримечательным в доме был чердак, где хранились вещи, которыми Монтойя больше не пользовалась, и тревоги Орхидеи. Людям, которые проезжали по единственной дороге через вершину холма, весь дом казался воплощением кошмаров и историй о призраках, они останавливались и пользовались возможностью понаблюдать за жизнью этой странной семьи.

¹ Welcome wagon – рекламный автофургон с буклетами, подарками, образцами местной продукции и т. п., раздаваемыми приезжим или новым поселенцам. – *Прим. ред.*

Поняв, что у них появились новые соседи, люди из Четырех Рек решили присмотреться к ним.

Кто, собственно говоря, были эти Монтойя? Откуда они взялись? Почему они не ходят к мессе? И кто, скажите ради Бога, красит ставни в такой темный цвет?

Любимым цветом Орхидеи был зелено-синий – того оттенка, когда небо больше не кажется черным, но на нем еще не появились розовые и фиолетовые оттенки. Она считала, что в этом цвете запечатлен миг, когда мир затаивал дыхание, и она тоже надолго его затаивала. Именно этим цветом были покрашены ставни и большая входная дверь. Через несколько месяцев после своего появления Орхидея, впервые выбравшись в город, чтобы купить машину, увидела, что все дома построены в стиле ранчо и покрашены в спокойные пастельные тона.

В доме Орхидеи не было ничего случайного. Она мечтала о собственном доме с раннего детства и когда, наконец, обрела его, самыми важными стали цвета и безопасность. Для человека вроде Орхидеи Монтойи, получившей все благодаря упорству и чуть-чуть воровству, важно было не просто защитить свое, но и удержать. Поэтому в каждое окно и в каждую дверь был вдавлен золотой лавровый лист. Не только для того, чтобы удержать магию, но и для того, чтобы отвести опасность.

Орхидея так давно носила свой дом с собой – в сердце, в карманах, в чемодане, а когда он там не умещался, то в мыслях. Она носила этот дом в поисках места, где пульсирует магия, чтобы там осесть.

В общей сложности Орхидея и ее второй муж преодолели около четырех тысяч восьмисот девяноста восьми миль. На автомобиле, корабле, поезде, а последние двадцать миль пешком. К концу пути страсть к путешествиям у нее пропала. В конце концов у нее будут дети и внуки, и она увидит остальной мир на глянцевых открытках, которыми будет покрыт весь холодильник. Как и многим другим, ей хватило одного паломничества. Она не нуждалась в том, чтобы определять собственную ценность коллекционированием штампов в паспорте или знанием полудюжины языков. Это были мечты девочки, давно оставшейся позади, той, что видела крошечную тьму бесконечного моря, той, что когда-то стояла в центре мира. Она прожила сотню самых разных жизней, но никто – ни ее пять мужей, ни ее наследники – на самом деле ее не знали. Так, как можно узнать кого-то – глубоко, до тайн, которые можно почувствовать лишь нутром.

Что о ней можно было узнать?

Пять футов один дюйм. Смуглая кожа. Черные волосы. Чернящие глаза. Орхидея Монтойя была не от мира сего по своему рождению. И звезды определили два самых важных момента ее жизни. Первый – ее появление в этом мире. И второй – день, когда она поймала свою удачу.

Она родилась в небольшом районе прибрежного города Гуаякиль в Эквадоре. Люди думают, что разбираются в несчастьях и невезении. Но это была неудачливость: споткнуться из-за развязавшегося шнурка, или уронить в метро пятидолларовую купюру, или столкнуться со своим бывшим, когда на тебе заношенные спортивные штаны, – Орхидея обладала невезучестью именно такого рода. Невезение вплелось в родинки, усеивавшие ее плечи и грудь подобно созвездиям. Невезение, которое было похоже на мелкую месть давно забытого божества. Ее мать, Изабелла Монтойя, в первую очередь винила свой грех, а во вторую – звезды. Последнее было верно не в одном отношении.

* * *

Орхидея родилась в момент, когда планеты образовали комбинацию наихудшей судьбы, которую только можно себе представить, космического долга, в котором не было вины Орхидеи, однако судьба пришла его взыскать, как букмекер. Четырнадцатого мая, за три минуты до

полуночи, Орхидея решила покинуть материнскую утробу, но застряла на полпути, как будто знала, что мир – небезопасное место. Все медсестры и дежурный врач бросились помогать молодой матери-одиночке. В 0:02 пятнадцатого мая девочку вытащили, полумертвую, с пуповиной, обернутой вокруг ее маленькой шеи. Старая дежурная медсестра заметила, что бедная девочка будет всю жизнь вести себя нерешительно – будет не здесь и не там. Наполовину в настоящем, наполовину в прошлом. Неопределенной.

Навсегда покинув Эквадор, она узнала, как оставить там частицы себя. Частицы, которые ее наследники когда-то попытаются собрать, чтобы вернуть ее.

На это ушло двадцать лет и два мужа, но Орхидея Монтойя добралась до Соединенных Штатов. Несмотря на то что Орхидея родилась при неблагоприятном расположении звезд, она сумела найти лазейку. Но это в ее истории произойдет позже.

Речь идет о женщине и доме, которых никогда раньше не было – до того дня, когда они, несомненно, оказались здесь.

* * *

В первое утро своего пребывания в Четырех Реках Орхидея и ее муж отворили все окна и двери. Дом был волшебный: он предупреждал все их нужды и предоставил им то, с чего можно было начать: мешки семян, риса, муки и соли и бочонок оливкового масла.

Сажать и сеять нужно было немедленно. Но земля, окружавшая дом, представляла собой твердую растрескавшуюся породу. Местные говаривали, что трещины в земле так глубоки, что, если уронить туда монетку, она провалится прямо в ад. Неважно, сколько дождей проливалось на Четыре Реки, облака как будто нарочно огибали долину, где теперь стоял дом. Но это не имело значения. Орхидея привыкла создавать что-то из ничего. Это было частью сделки, ее силы.

Первым делом она засыпала полы морской солью. Забила ею щели между половицами и все углубления в дереве. Она истолкла тимьян, розмарин, шиповник и сухую лимонную корку и разбросала по полу. Затем вымела все через парадную дверь и черный ход. Такой магии она научилась в своих странствиях – это был обряд очищения. С помощью оливкового масла она вернула блеск деревянному полу, а затем приготовила себе и мужу первый завтрак в новом доме – яичницу. Посыпала яйца крупной солью и жарила их, пока белок по краям не загустел, а желтки не стали яркими и похожими на два солнца-близнеца. Она ощущала вкус того, что должно было произойти.

Десятилетия спустя, под конец своих дней, она вспомнит вкус этой яичницы, словно только что ее съела.

* * *

Дом в Четырех Реках стал свидетелем рождения всех шести детей Орхидеи и пятерых ее внуков, а также смерти четверых мужей и дочери. Он был ее защитой от мира, частью которого она не сумела стать.

Один раз – всего один – соседи с дробовиками и вилами попытались прогнать колдунью, жившую посреди долины. Ведь только колдовством можно было объяснить то, что создала Орхидея Монтойя.

В первый месяц их жизни в доме сухая скальная порода поросла высокой травой. Сначала появились небольшие пучки, затем трава покрыла всю землю. Орхидея обходила каждую пядь своих владений, напевая и приговаривая, рассыпая семена, уговаривая и призывая их дать корни. Затем близлежащие холмы украсились полевыми цветами. В долину вернулся дождь. Он шел дни, недели, а когда перестал, за домом образовалось небольшое озеро. В долину вер-

нулись и животные. Лягушки прыгали между покрытыми мхом камнями и листьями кувшинок. Из радужных икринок появились сотни рыб. Даже олень спустился с холмов посмотреть, что там происходит.

Конечно, дробовики и вилы не сработали. Толпа едва преодолела половину спуска с холма, как долина заволновалась. Появились тучи moskitov, над головами идущих закружились вороны, на травинках образовались крохотные шипы, которые царапали до крови. Обескураженные люди повернули назад и направились к шерифу. Чтобы он прогнал колдунью из их городка.

Шериф Дэвид Палладино был первым жителем Четырех Рек, кто познакомился с Орхидеей по собственной воле. Потом у них сложились добрые отношения, которые выражались в том, что он защищал ее земли от назойливых соседей, а она готовила ему средство для восстановления волос, но при первой их встрече был краткий миг, когда Орхидея испугалась, что, хотя она все сделала правильно, ей придется уйти.

В то время шерифу Палладино было двадцать три, и он работал в этой должности первый год. У него все еще был персиковый пушок над верхней губой, который никак не рос, и густая шевелюра, которая отвлекала внимание от его слишком широких ноздрей, в которых можно было увидеть туннели носовых ходов. Ярко-голубые глаза придавали ему сходство с совой, но не мудрой, а испуганной, что плохо подходило для его работы. Он никогда никого не арестовывал, потому что в Четырех Реках не совершалось преступлений. Единственное убийство произошло в 1965 году, когда на обочине дороги был найден зарезанным водитель грузовика. Убийцу не нашли. Даже полувекровая вражда Дэвидсонов и Роско прекратилась, прежде чем он занял пост шерифа. Если бы последний шериф не умер в восемьдесят семь лет от аневризмы за своим письменным столом, Палладино так и оставался бы его помощником.

После того как горожане насели на шерифа, чтобы он все выяснил о новоприбывших (Кто эти люди? Где их документы на землю, их бумаги, их паспорта?), он поехал по единственной пыльной дороге, ведущей к дому в долине. Приехав на место, он едва мог поверить своим глазам.

Мальчишкой он с приятелями катался здесь на велосипедах, обдирая шины о голые камни. Теперь он вдыхал запах темной свежевскопанной земли и травы. Закрыв глаза, можно было представить себе, что находишься далеко от Четырех Рек, в какой-нибудь зеленой роще. Но открыв их, он, несомненно, оказался перед домом, принадлежащим Орхидее Монтойе. Он приподнял широкополую шляпу, чтобы пригладить спутанные белокурые волосы, свернувшиеся колечками на висках. Постучав в дверь костяшками пальцев, он заметил, как блеснули на фоне дерева лавровые листья.

Орхидея появилась на пороге. Она оказалась моложе, чем он ожидал, ей, наверное, было лет двадцать. Но в ее черных глазах было что-то, говорившее о том, что она узнала слишком много и слишком рано.

– Здравствуй, мэ, – сказал он, затем запнулся. – Мисс. Я шериф Палладино. В окрестностях было замечено несколько койотов, которые убивают домашний скот; они не пощадили даже чистокровного гипоаллергенного пуделя бедной миссис Ливингстон. Просто хотел заскочить, представиться и убедиться, что вы в порядке.

– Мы не видели никаких койотов, – сказала Орхидея на четком, без акцента, английском. – А я подумала, что вы, возможно, приехали из-за толпы, которая собиралась навестить меня на прошлой неделе.

Он покраснел и, пойманный на лжи, смущенно опустил голову. Хотя история о койотах была достаточно правдивой. В одной из полученных им жалоб говорилось, что новая семья из Мексики – колдуны и койоты им близкие друзья. В еще одном обращении утверждалось, что высохшая долина, в которой никто никогда не бывал, кроме бродяг и прогуливающих школу подростков, меняется, а этого нельзя допустить. Четыре Реки не изменились. Палладино не

мог понять, почему кто-то против таких изменений – свежести, силы и энергии. Жизни там, где раньше ничего не было. Это было чудом, но он должен был исполнять свой долг перед горожанами, которых поклялся защищать. Что напомнило ему еще одну жалобу. *Нелегалы*, прошипела в телефон женщина и повесила трубку. В конце концов, семья появилась в долине среди ночи. Земля не может быть свободной. Она должна принадлежать кому-то, человеку или правительству. Почему на нее до сих пор никто не заявил права?

– Выпьете чашку кофе? – спросила Орхидея с улыбкой, от которой у него слегка закружилась голова.

Его воспитывали так, чтобы он всегда отвечал на человеческий, добрососедский жест, поэтому он согласился. Палладино приподнял шляпу, затем прижал ее к груди, входя в дом.

– Благодарю вас, мисс.

– Орхидея Монтойя, – сказала она. – Но вы можете называть меня просто Орхидеей.

Она отступила в сторону. Молодая женщина была, наверное, вполтину ниже его, но казалось, она такая высокая, что достанет до деревянных балок над ними. Она смотрела на его ноги, пристально наблюдая, как он переступает через порог. Он не был уверен, но казалось, что она хочет увидеть не то, как он войдет, а сможет ли он это сделать чисто физически. Плечи ее расслабились, но в глазах оставалось недоверие.

Несмотря на свой рост, он постарался занимать поменьше пространства, чтобы успокоить ее. Даже свой пистолет он оставил в бардачке.

Во многом Дэвид Палладино был похож на всех других жителей Четырех Рек, которые никуда не уезжали. Он не стремился оказаться в другом месте, его не тянуло уехать. До того как он нашел свое предназначение в качестве полицейского, большую часть жизни он был счастлив просто встать с постели и прожить день. Он верил в доброту людей и в то, что суп его бабушки может излечить практически любую травму. Но колдовство? Того рода, в котором люди обвиняли Орхидею? Он относил это на счет стариков, помнивших отрывки утраченных легенд. Слово «колдовство» годилось для автоматов, работающих от монет, на летнем карнавале.

Но он не стал бы отрицать, что, войдя в дом Орхидеи, что-то почувствовал, хотя затруднился бы точно определить это ощущение. Уют? Теплоту? Когда Орхидея вела его по коридору, где во множестве висели фамильные портреты, он не обращал внимания на это чувство. Обои выгорели на солнце, а полы, хотя блестели и пахли лимонной цедрой, были потертыми. В прихожей стоял алтарь. Десятки свечей таяли, одни быстрее других, как будто спешили добраться до нижней части фитиля. Миски с фруктами, кофейными зернами и солью стояли спереди и в центре. Он знал, что у некоторых людей из мексиканской общины есть подобные реликвии, статуэтки Девы Марии и полдюжины святых, которых он не смог бы назвать. Он присутствовал на каждой воскресной мессе, но уже давно перестал слушать. Его бабушка была католичкой. Его воспоминания о ней давно потускнели, но здесь, в доме Монтойи, мысли о бабушке вдруг нахлынули на него. Он вспомнил женщину, которую согнули годы, но все еще сильную настолько, чтобы готовить свежую пасту по воскресеньям. Он не думал о ней, наверное, лет пятнадцать. Запах розмарина, ее снежно-белые волосы и как она качала перед ним пальцем и говорила: «Будь осторожен, мой Дэвид, будь осторожен с этим миром». Бред старой женщины, но она была не просто старой женщиной. Она присматривала за ним, пока его мать болела, а отец работал на мельнице до изнеможения. Она молилась о его душе и о его здоровье, и он бесконечно любил ее. Почему же он больше о ней не вспоминает?

– Все в порядке, шериф? – спросила Орхидея, оглянувшись. Она ждала его реакции, но он будто не знал, что ответить.

Он понял, что все еще стоит перед алтарем, и почувствовал влагу на щеках. Он ощутил неистовое биение в горле и на запястьях. Он сжал губы и постарался ответить как можно вежливее:

– Все прекрасно.

Он не был в этом уверен, но постарался стряхнуть с себя эмоции.

– Чувствуйте себя как дома. Я сейчас вернусь.

Орхидея ушла в кухню, и он услышал, как льется вода. Он сидел в большой столовой, самой неукрашенной части дома. Ни обоев, ни картин. Ни портьер, ни цветов. На огромном столе, за которым уместились бы двенадцать человек, лежали кучи бумаг.

Он не был любопытен. Он верил в права людей в их городе, этом небольшом уголке в сердце страны. Но бумаги лежали в открытой деревянной шкатулке, похожей на ту, в какой его мать хранила старые фотографии и письма от своего отца с фронта. Бросив на бумаги быстрый взгляд, он увидел акт на владение землей на ее имя. Орхидея Монтойя. Его несколько смутило, что все это лежало перед ним. Она что, перебирала бумаги? Или знала, что он придет? Откуда она могла знать? Но перед ним лежало доказательство. Документы, которые трудно подделать. Он почувствовал облегчение. Он сможет сказать обеспокоенным жителям Четырех Рек, что в доме и его обитателях нет ничего необычного, кроме – ну, кроме того, что они появились из ниоткуда. В самом деле? Долина была давно оставлена людьми. Возможно, никто из жителей Четырех Рек не обратил на стройку внимания, как в тот раз, когда у них под боком появилось шоссе, где раньше его не было. Разумеется, ничего дурного здесь нет.

– Какой будете кофе? – спросила Орхидея, входя в столовую с деревянным подносом, на котором стояли две чашки кофе, молоко в стеклянном кувшинчике и сахарница с коричневым сахаром.

Он побарабанил длинными тонкими пальцами по столу.

– Много молока и много сахара.

Они улыбнулись друг другу. Никому из них, он был уверен, не хотелось неприятностей. И они стали разговаривать о погоде. О дальней родне Орхидеи, которая передала ей дом. Он не мог припомнить ни одного Монтойи из Эквадора в этих краях. И, если быть честным с самим собой, слабо представлял себе, где находится Эквадор. Но, возможно, он знал не всех. Возможно, мир больше, чем ему представлялось. Должно быть, так. Это определенно было так, когда он сидел и пил ее кофе.

Кофе был таким крепким, что ему приходилось останавливаться, чтобы глотнуть воздуха. Невероятно, но каким-то образом он почувствовал вкус земли, на которой кофе был выращен. Дотрагиваясь языком до нёба, он ощущал в напитке привкус минералов, благодаря которым растение выросло. Он мог почувствовать тень банановых и апельсиновых деревьев, которые придали бобам аромат. Это казалось невозможным, но понимание только начало приходить к нему.

– Как вы все это делаете? – спросил он, ставя чашку на стол. На краю фарфоровой чашки с нарисованными розами была щербинка.

– Делаю что?

– Добиваетесь такого вкуса кофе.

Она прищурилась и вздохнула. Послеполуденное солнце золотило ее смуглую кожу.

– Я пристрастна, но лучший в мире кофе растет в моей стране.

– Думаю, вы будете очень разочарованы, если зайдете в закусочную. Но не говорите этого Клодии. А за ее пирог можно умереть. Вы еще не пробовали его? А ваш муж дома?

Он знал, что говорит бессвязно, поэтому пил свой сладкий кофе, чтобы успокоиться.

– Он на заднем дворе, работает в саду. – Она сидела во главе стола, опираясь подбородком на запястье. – Я знаю, зачем вы пришли на самом деле. Знаю, что обо мне судачат.

– Не слушайте никого. Вы не кажетесь мне похожей на колдунью.

– Что, если я скажу, что я и есть колдунья? – спросила Орхидея, помешивая сахар в чашке. Она улыбалась искренне, приветливо.

Сбитый с толку, он глядел на остатки своего кофе, как вдруг услышал птичье пение. На подоконнике сидели две голубые сойки. Он не видел таких птиц в этих местах, вероятно,

никогда. Удивительно. Кто он такой, чтобы судить об этом? Судить ее. Он дал клятву защищать граждан Четырех Рек, в том числе и Орхидею.

– Тогда я скажу, что вы сделали колдовской напиток.

Они рассмеялись и закончили пить кофе в уютном молчании, прислушиваясь к поскрипываниям дома и перекличке птиц. Еще не раз ближайшие соседи Орхидеи попытаются подвергнуть сомнению ее права на это пространство и эту землю, но этот кофе и эти бумаги обеспечат ей спокойствие, по крайней мере, на несколько лет. Она заехала слишком далеко и сделала слишком многое, чтобы оказаться здесь. Дом принадлежал ей. Он был рожден ее силой, ее жертвой.

Через пятьдесят пять лет после визита шерифа Палладино она сидела за тем же самым столом, с той же самой фарфоровой чашкой в руках, помешивая черный кофе той же серебряной ложечкой, чтобы разогнать его горечь. В этот раз на столе не было ни письменных принадлежностей, ни хрустящей бумаги цвета яичной скорлупы, ни сделанных ею самой чернил. Она уже разослала письма всем своим живым родственникам, и письма кончались так: «Я умираю. Приходите и заберите свое наследство».

Но до этого еще далеко.

Провожая молодого человека к дверям, Орхидея спросила:

– Все в порядке, шериф Палладино?

– Насколько я могу судить, – ответил шериф, надевая шляпу.

Она наблюдала, как его машина выехала на дорогу, и не уходила в дом, пока он не скрылся из вида. Подул сильный ветер, заставивший трепетать лавровые листья на дверях и окнах. Кто-то снаружи наблюдал за ней. Она ощутила это лишь на мгновение, но удвоила защитные чары дома, свечи на алтаре, кристаллы соли.

Придет время, когда прошлое настигнет ее, и Орхидею придется вернуть долг, который взыскала с нее вселенная. Но сначала она проживет длинную жизнь.

2. Наследники Божественной Орхидеи

Приглашение пришло в тот момент, когда Маримар Монтойя обожгла язык своим полуночным кофе. Она ощутила, как по комнате прошла какая-то волна, словно призрак заставил мигать лампочки, сделал так, что экран компьютера застыл, и включил телевизор. Она поморщилась и поставила чашку. Чашку из старинного сервиза, одну из двадцати четырех, которую она взяла из бабушкиного буфета и сунула в рюкзак в то утро, когда уехала из Четырех Рек, как раз когда начал петь Габо, скелетообразный петух.

– Не сейчас, – пробормотала она, хлопая по прозрачному голубому корпусу своего iMac G3. Она купила его, подновив за пятьдесят долларов, в модной подготовительной школе в Верхнем Ист-Сайде, когда они меняли оборудование. Все, чего хотела Маримар, – это засесть в интернете и текстовом редакторе, в котором она пыталась писать роман, хотя предполагалось, что она в это время должна трудиться над заданием колледжа.

Она провела мягким кончиком языка по нёбу и щелкнула по кнопке мыши – безрезультатно. Потом сдалась и крутанулась на вращающемся стуле.

Маримар не знала, что уже так поздно, ей все еще нужно было написать пять страниц эссе по готической литературе о «Падении дома Ашеров» Эдгара Аллана По и его интересе к ненормальным семьям. Рей снова допоздна сидел в офисе. Квартира, в которой они жили, находилась в самом сердце Испанского Гарлема в Нью-Йорке, и, живя здесь уже шесть лет, она никак не могла привыкнуть к постоянным поломкам в здании. Лампочки перегорали через несколько дней после того, как их вкрутили, коварный радиатор, скрипучий пол, ржавые трубы, из которых летом текла горячая вода, а зимой ледяная. И все же это место Маримар и ее кузен Рей обустраивали как свой дом.

Она протянула руку к телефону, чтобы отправить ему сообщение, и заметила лежащий рядом квадратный конверт. Марки не было, только ее имя и адрес:

*Маримар Монтойя
160 Восток 107-я улица, апарта. 3С
Нью-Йорк, NY10029*

Она окинула взглядом гостиную, чтобы понять, не изменилось ли что-нибудь еще. Потертый кожаный диван с шерстяным пледом с изображением лам в горах Эквадора. Рисунки Рея-старшеклассника и репродукция картины «Череп коровы: красный, белый, синий» Джорджи О'Киф, которую она купила рядом с Метрополитен-музеем на своей первой экскурсии. Массивный кофейный столик красного дерева, который тетка Маримар обнаружила на тротуаре Пятой авеню и заставила ее и Рея тащить его через двадцать кварталов и по трем улицам. Стопка журналов, большинство которых были украдены из офиса литературного журнала Хантерского колледжа, купоны супермаркета, ароматизированная жевательная резинка, старая бутылка для воды «Налген» с логотипом бухгалтерской фирмы Рея, бесплатные презервативы нью-йоркской марки в вазе с гниющими фруктами, открытая коробка с наполовину съеденной после работы пиццей.

Все было так же, как когда она села писать. Кроме открытого окна. И Маримар мгновенно поняла, откуда взялось письмо.

Она встала и подошла к окну. Внизу сидели подростки, неся какую-то ахинею и поглощая чипсы и газировку. А на пожарной лестнице Маримар увидела неизвестную птицу. Она была похожа на голубую сойку, но слишком большая по сравнению с теми, каких она иногда видела в Центральном парке. Маримар высунулась из окна, чтобы поймать птицу, но та ускользнула от рук девушки, оперение ее вдруг выцвело, а тело приняло обтекаемую форму обычного городского голубя. Птица издала булькающий звук и улетела.

– Скажи ей, чтобы пользовалась телефоном, как нормальные люди, – крикнула ей вслед Маримар.

Подростки задрали головы, чтобы понять, кто это, захихикали и зашептали: *bruja loca*².

Закрыв окно и повернув задвижку, Маримар вернулась к письменному столу. Компьютер по-прежнему был мертв, поэтому она взяла конверт. Никто больше не писал писем так, как писала ее бабушка. Орхидея садилась за большой обеденный стол со своей коробкой с письменными принадлежностями, металлической ложечкой и цилиндриками собственноручно изготовленного воска. Маримар хотелось знать, кому Орхидея пишет, потому что, насколько она знала, у бабушки не было друзей, а вся их семья жила в одном большом доме. Бабушка всегда отвечала одно: «Я пишу своему прошлому».

Маримар сняла восковую печать и открыла конверт. Прошло шесть лет с тех пор, как она разговаривала с Орхидеей. Хотя бабушка каждый год присылала им открытки на Рождество – по какой-то причине, даже пройдя через почтовую службу Соединенных Штатов, они всегда пахли корицей и гвоздикой, – Маримар никогда не отвечала на них. Она поднесла полученное письмо к носу и вдохнула запахи Четырех Рек. Кофе, свежей травы и мгновений перед проливным дождем. К ним примешивалось что-то еще, чего там при ней не было, но она не могла понять что.

Маримар вытащила твердую открытку и прочитала строки, написанные изящным почерком. Она закрыла глаза и почувствовала тянущее ощущение внизу живота. Орхидея бывала такой разной: уклончивой, молчаливой, злой, скрытной, любящей и лживой. Но она не была настолько драматична.

Действительно не была?

Когда Маримар было пять лет и она ловила светлячков на холмах, бабушка предупредила, чтобы она была осторожна, потому что они могут обжечь. Когда Маримар было шесть и она решила, что не станет есть цыплят из солидарности с Габо и его женами, бабушка объяснила ей, что души мертвых цыплят попадут в цыплячий ад, если не будут полностью съедены. Орхидея говорила ей, что, если подплыть ко дну озера, там будет коридор, который затянет ее на другую сторону земного шара, где живут морские чудовища. Что если печь пироги во время менструации, то молоко свернется, а готовить, когда злишься, значит испортить еду. Крошечные, маленькие неправды, которые Маримар теперь вспоминала.

Она глубоко вздохнула и перечитала письмо. Нет, приглашение. *Время пришло. Я умираю. Приходите и заберите свое наследство.*

Маримар взяла телефон и хотела написать Рею, но изображение на экране застыло.

– Черт подери, – пробормотала она. Мигающий свет, компьютер, ее телефон. Все это дело рук Орхидеи. Техника плохо сочетается с тем, что исходит даже не от самой Маримар, а от ее бабушки.

Ждать было нельзя. Она схватила со спинки стула джинсовую куртку, взяла ключи, плеер и наушники. Когда она запирала дверь, ключ застрял, и ей удалось его повернуть только минуты через две. Когда она переходила улицу, такси повернуло под невероятно острым углом и чуть не врезалось в нее, хотя она переходила дорогу по правилам. А идя по пешеходному переходу, она по самую щиколотку провалилась в лужу, которой, она могла бы поклясться, только что тут не было.

Наконец, оказавшись в безопасности на другой стороне, она воспользовалась моментом, чтобы включить свой CD-плеер Sony и надеть поролоновые наушники на уши. Тяжелый бас ревел, пока она поднималась в гору по Лексингтон-авеню, ведущей к офису Рея. Он был всего в тридцати кварталах, и ей все равно был нужен свежий воздух. Она проходила здесь каждый день по пути в колледж. Такая прогулка не сильно отличалась от прогулки по холмам вокруг

² Сумасшедшая ведьма (исп.).

дома бабушки в Четырех Реках, за исключением того, что Маримар сменила камни и траву на блестящий бетон. И то и другое сделали мышцы ее икр и бедер сильными.

Эль Баррио оживал после захода солнца, как рынки гоблинов, о которых она читала в стихах. Улицы здесь были шумными и всегда пахли жареным мясом, тестом, бананами и гнилью, поднимавшейся в клубах пара из канализации Нью-Йорка. Она остановилась у кошерного гастронома, втиснутого между двумя зданиями, которые, казалось, вот-вот обрушатся. Снаружи четверо стариков играли в карты и шашки на шатких столах и пластиковых стульях. Два подростка, еще не начавшие бриться, присвистнули, когда она вошла. Она купила два бейгла со сливочным сыром и проигнорировала этих мальчишек, которые цокали языком из-за того, что она задается. Мужчина в ярко-синей футболке «Метс» поднял глаза и, поймав ее взгляд, сказал ей: *Dios te bendiga, mamita*³.

На его благословение она ответила: «Спокойной ночи».

Когда она добралась до угла улицы, какой-то бездомный вдруг вытащил пенис и попытался попасть в нее струей мочи.

Маримар никак не могла понять, почему Нью-Йорк никак не хочет полюбить ее. Она приехала сюда учиться в старших классах школы после безвременной трагической смерти матери. Ей было тринадцать, и она любила Четыре Реки. И любит до сих пор. Зеленые холмы и рои стрекоз, которые повсюду сопровождали ее. Но после смерти мамы Орхидея не оставила Маримар много выбора, кроме как уехать.

Большинство детей хотели бы сменить ничего не значащий городок на Большой Город. Формально городок Четыре Реки что-то значил, но не то место, где большинству людей хотелось бы жить. Только Маримар не была уверена, что жизнь в Большом Городе ей подходит. Но в то время она не понимала, что ей подходит, а что нет, она была просто сиротой, живущей со своей *tía*⁴ Парчей и двоюродным братом Реймундо в захлавленной квартире, выходящей окнами на улицу, которая всегда была забита машинами, как дорожная артерия Манхэттена. Жесткая любовь города преподавала ей ряд уроков, которых такое кроткое место, как Четыре Реки, никогда не смогло бы ей дать. Она научилась быть начеку с той минуты, как выходила за дверь, из-за парней и мужчин, которые закидывали удочки, как будто она была еще одной рыбой в этом грязном Гудзоне, который они называли рекой. Она узнала, что Нью-Йорк развивался, потому что жил на крови. Он был шумным, потому что это была симфония людей, кричащих о своих мечтах и надеющихся быть услышанными. Маримар очень хотела добавить свои мечты в эту песню, но, когда она попыталась, ее голос прозвучал не громче шепота.

Спустя шесть лет жизни в Нью-Йорке Маримар ни на что в нем не претендовала. Это вообще было не то место, где можно было на что-то претендовать, хотя многие пытались. Нью-Йорк, казалось, отказал ей, как будто у нее была неподходящая группа крови. Ее дважды грабили, прежде чем она научилась давать отпор и обнаружила, что, когда ты кому-то не нравишься, тебе говорят это в лицо. Начав работать в шестнадцать лет, она поняла, что не сможет удержаться на работе. В ней было что-то такое, что через некоторое время не нравилось ее работодателям. Все начиналось прекрасно. Она все правильно говорила, шла все выше и дальше. Затем, как по часам, месяца через три что-то перещелкивалось. Внезапно она становилась слишком хорошенькой, слишком уродливой, слишком умной, слишком тупой, слишком маленькой, слишком тихой, слишком громкой, слишком – всякой, и в то же время ей чего-то не доставало. Всегда была какая-то причина. Однажды администратор в книжном магазине колледжа сказал ей, что она отвлекает выгодных клиентов, потому что люди заходят просто на нее посмотреть.

³ Храни тебя Господь, мамочка (*исп.*).

⁴ Тетя (*исп.*).

Маримар была сногшибательна, как и ее мать: волосы, ниспадавшие темными волнами, обрамляли ее лицо с черными глазами. Густые брови, которые будут в тренде годы спустя. Нос, который ее бабушка определяла словом *ñata*⁵, хотя никогда не объясняла его значение. Маленький, с круглым кончиком и чуть приплюснутый. Похожий на пуговку. Из-за этого она казалась совсем юной. Ее кожа была смуглой, как скорлупа лесного ореха, а по рукам и груди вверх и вниз бежали родинки, сплетаясь в тот же узор, какой был на теле ее матери и бабушки.

Иногда Маримар казалось, что внутри нее зияет дыра, бесформенная, как след от опухоли. Когда она жила в Четырех Реках, она этого почти не замечала. Нью-Йорк заставил ее заметить. Возможно, дело было в том, что каждый в городе мог посмотреть сквозь нее, через отсутствующие части. Может быть, это была не вина Нью-Йорка. Может быть, она не несчастливая, а проклятая, как говаривала тía Парча. Может быть, Маримар просто нужно понять, как ей смириться с тем, что она такая, какая есть, – девушка с недостающими частями.

По крайней мере, здесь она не выделялась, как в Четырех Реках, где ходила в школу с семнадцатью мальчиками по имени Джон и тридцатью двумя Мэри-как-их-там. Даже она была *формально* Мэри-как-ее-там. Люди думали, что ее зовут Мари-Мар. Мария морская.

Но ее мать имела в виду «*mar y mar*» – море и море.

Почему из всех имен мать выбрала именно это? Почему она не спросила об этом маму, пока та была жива?

Когда она вернется в Четыре Реки, надо будет попытаться выяснить этот вопрос.

Маримар приближалась к зданию, где был офис Рея, но никак не могла прийти в себя. Отчасти из-за приглашения поехать на похороны женщины, которая, как она понимала, еще была жива. Отчасти из-за быстрой ходьбы.

В этот момент ее плеер выключился, и, открыв крышку отделения с батарейками, она обнаружила, что они окислились. Остаток пути она прошла в тишине. Повернула налево, на Шестьдесят пятую улицу, тяжело дыша, холодный пот выступил на висках. Город сверкал перед ней разноцветными огнями и тенями, и ее охватила странная тоска. Как бы тяжело это ни было, она влюбилась в этот город и хотела, чтобы Нью-Йорк полюбил ее в ответ. Надо быть немного проще. Если она вернется в Четыре Реки, возможно, у нее больше не будет шансов.

Она нажала на кнопку звонка в офис своего кузена, убеждая себя, что Нью-Йорк будет ждать ее, когда она вернется.

Но разве она не в курсе? Нью-Йорк никого не ждет.

* * *

Реймундо Монтойя Рестрепо рассчитывал, что будет в офисе один всю ночь, но вдруг услышал знакомый навязчивый скрип колес почтовой тележки. Он устало моргнул, глядя на красные электронные часы на своем столе, которые показывали, что только что перевалило за полночь, затем поднял глаза и увидел, что прямо к нему направляется стажер Пол.

– Ты все еще здесь? – спросил Рей хриплым после долгого молчания голосом.

– Мистер Леонард сказал, что я всегда должен быть рядом на случай, если кому-то понадобится моя помощь, – ответил Пол.

На самом деле его звали не Пол – так звали стажера, работавшего пять лет назад. Пол был стажером около трех лет, дольше всех в истории бухгалтерской фирмы, главным образом потому, что ему нравилось быть стажером, но еще и по причине того, что он боялся мистера Леонарда и ни разу не напомнил ему, что шесть месяцев стажировки истекли. Однажды Пол – у него были каштановые волосы и молочно-белая кожа – был госпитализирован по причине стресса и выгорания и больше не вернулся. На следующий день появился новый стажер, наня-

⁵ Здесь: курносый (*исп.*).

тый секретаршей Леонарда. Второй стажер вошел в кабинет Леонарда, полный решимости сделать себе имя, выделиться, произвести впечатление на человека, чьи глаза всегда были так прикованы к бумагам и компьютеру, что с каждым годом уменьшались.

– Привет, Пол, – сказал Леонард с таким сильным бруклинским акцентом, что его можно было резать ножом для пиццы. – Отнеси это Жасмин и не забудь, что мне нужно шесть кусочков сахара и сливки пополам с молоком в кофе. Я думаю, вчера ты об этом забыл, у него был такой вкус, будто я пил из пепельницы.

– Да, мистер Леонард, – сказал мальчик, и так всех стажеров у них стали называть «Пол».

Рей когда-то был стажером Полом, но после оговоренных шести месяцев в этом качестве изменил свой статус. Он попросил секретаршу Жасмин записать его на собеседование с мистером Леонардом в час дня. Наверное, раньше никто не додумался до этого. Леонард поднял взгляд.

– Чем могу помочь?

– Я Рей Монтойя, только что закончил стажировку и пришел, чтобы подать заявление о приеме на постоянную работу.

Леонард наблюдал за ним своими глазами-бусинками, которые двигались, как у краба. Его широкий рот стал еще шире, обнажив зубы, пожелтевшие от красного вина и сигарет.

– Монтойя, а? О, ты убил моего отца, готовься к смерти.

Рею всю жизнь приходилось терпеть эту цитату из популярного фильма⁶. Он сказал «Монтойя» вместо «Рестрепо» просто потому, что на американском английском это произносилось немного проще. Удивительно, насколько по-разному относились к нему люди в зависимости от того, какую фамилию он называл.

Как бы то ни было, он рассмеялся шутке и, проглотив собственную гордость, взял ручку со стола Леонарда и помахал ею в воздухе, как испанской рапирой.

– Вот именно. Вот мое резюме, там рассказано про последние шесть месяцев моей работы.

– Ты работал с Полом? Я тебя не видел.

– Мы разделили этаж, сэр.

– Окончил университет Адельфи за два года? Впечатляет.

Он нажал кнопку на своем телефоне.

– Эй, Жасмин, оформи мистера Монтойю. На нас наезжает налоговая служба, и нам не помешают лишние руки. А Пол опаздывает с моим кофе.

Позже в тот день новый стажер Пол приступил к работе, а Рею выделили малюсенький рабочий стол в дальнем конце офиса.

Рей откинулся на спинку стула и посмотрел на стажера Пола.

– Как тебя зовут, малыш?

– Кришан Патель, – сказал он.

– Тебе действительно нравится эта работа?

– Я просто хочу получить зачет в колледже.

Он почесал щеку и скосил прыщик на челюсти.

– Можешь идти домой. Если ты вернешься завтра, подумай, как сделать так, чтобы люди запомнили твое имя.

Кришан кивнул, но Рей мог бы поручиться, что на самом деле парень пропустил его слова мимо ушей. Стажер взял стопку пакетов с тележки и свалил их на стол рядом с Реем. Собравшись уходить, парнишка резко обернулся.

– О, чуть не забыл один.

⁶ Слова из фильма «Принцесса-невеста» (The Princess Bride, 1987 г.), снятого по одноименному роману американского писателя и сценариста У. Голдена (1973 г.).

Он протянул Рею конверт, который выглядел так, словно был отправлен в конце девятнадцатого века, с восковой печатью и всем остальным. Затем Кришан ушел.

У Рея не было времени на почту не от клиентов фирмы в конвертах из манильской бумаги, поэтому он отложил письмо в сторону и приступил к работе, набирая цифры на калькуляторе, как будто имел дело с самым не приносящим удовлетворения на свете игровым автоматом «Ударь крота».

Рей ненавидел числа, но хорошо справлялся с ними.

По крайней мере, мог в них разобраться. Всегда мог. Он не знал, откуда у него этот талант, и иногда ему хотелось, чтобы у него была фотографическая память Маримар, или музыкальный талант близнецов, или даже способность Татинелли завлекать ничего не подозревающих простаков в финансовые пирамиды.

Его мать бросила среднюю школу из-за солдата, мотоцикл которого стоял на их дороге со спущенным колесом. Его отец, солдат, служил в пехоте, его убили в бою, когда Рею было восемь. Насколько Рей помнил, он был хорошим человеком. Когда Рей начинал забывать отца, он рассматривал старые отцовские вещи, которые бережно хранил. Свернутый флаг, висевший под опасным углом на стене гостиной. Три ящика виниловых пластинок, охватывающих всю историю рока, от Рэя Чарльза до «Металлики». Его мать же хранила целую коллекцию рубашек с ужасным гавайским принтом, в которых отец любил готовить барбекю, когда был дома. И что еще хуже, серебряные украшения с шипами и черепами, оставшиеся с тех времен, когда он был подростком-металлистом в Куинсе⁷. Все вместе являло собой святилище токсичной мужественности, при этом отец был первым, кто понял, что Рей гей. Он также первый сказал Рею, что с ним все в порядке, и Рей держался за это в подростковом возрасте и в нынешней попытке стать взрослым.

Рей думал, что сможет пройти через все, пока помнит, что его любили оба родителя, которые сгорели сильно, ярко и быстро, как спички.

Джордан Рестрепо, когда не служил в армии, каждую минуту стремился проводить со своей Парчей и своим Реймундо. Однажды Рей с отцом играли в бейсбол в парке, хотя Рей терпеть не мог бейсбол. Для отца это был предлог для общения с сыном. В какой-то момент Реймундо подробно рассказал ему про свой второй класс. Все мальчики были больше него. Все мальчики были грубее. Рей не знал, как быть таким, как они, он был мягкий и нежный, как капля dulce de leche⁸. Такой, как его мама зачерпывала из половинки скорлупы кокосового ореха из ближайшего магазина. В классе они ставили пьесу, и Реймундо хотел сыграть роль, в которой он бы пел и танцевал с мальчиком по имени Тимоти, у которого были карие глаза и с которым Реймундо хотел бы пожениться. Рей не знал, что значит «жениться», но его матери нравилось кричать на свою сестру по телефону в таком духе: «Если ты так сильно любишь этого сукина сына, тогда женись». «Если тебе нравится страдать, женись». И все в таком роде. Но он знал, что женятся, когда любят, а он любил Тимоти.

– Полегче, дружище, – сказал Джордан. Он долго держал круглое личико маленького Реймундо в ладонях, и Рей так и не понял, о чем думал его старик.

Но воспоминание было острее, чем все остальные из его детства. Он всегда помнил слезы в глазах своего отца. Не от расстройства, а от волнения.

– Тебе придется подождать, пока ты не станешь таким же взрослым, как я, чтобы жениться, хорошо?

– Ладно, – ответил тогда Реймундо без энтузиазма.

Иногда, ощущая неуверенность, Рей вспоминал тот момент. К уверенности в том, что он никогда настолько не был собой, как тогда, со своим отцом, ненавидя бейсбол и говоря о маль-

⁷ Район Нью-Йорка.

⁸ Популярный испанский продукт, похожий на вареное сгущенное молоко.

чике, которого не поцелует еще десять лет. Иногда, в самые плохие свои дни, Рей представлял своего отца, военного, в грубых ботинках, со щелкой между зубами и шрамами на белой коже, и говорил себе: «Если мой отец мог плакать, то и я могу».

Рей так и не женился на Тимоти, но в шестнадцать лет они целовались в коридорах своей средней школы, а затем, в последний раз, в комнате Тимоти. Пока отец Тима не вернулся домой и не впал в ярость. Он спросил:

– Что сказал бы твой отец, будь он жив?

Рей только улыбнулся, потому что в глубине души знал, каков был бы ответ: «Он бы сказал, что вы гомофобный гребаный мудака, мистер Грин».

После этого он больше никогда не видел Тимоти, и никто с ним не связался. Рей твердо знал, кто он. Он часто сходил с пути, но у него были воспоминания, компас, стрелка которого указывала на дом.

Теперь же, пока он разбирал стопки налоговых бумаг и мятых квитанций, его вдруг захлестнула тревога. Кожа зудела, одежда казалась слишком тесной. Что-то было настолько неправильным, настолько пронизывающим, что он не мог от этого отмахнуться. Рей оглядел кабинет, темный, если не считать лампы из зеленого стекла на столе. Казалось, будто кто-то накачал в комнату кислород. Он подумывал о том, чтобы позвонить стажеру, но тут его взгляд упал на письмо, которое он отложил. Оно задымилось. Рей громко выругался и, пытаясь взять его, опрокинул стопку папок. Он перекидывал конверт из руки в руку, словно горячую картошку, и тут восковая печать растаяла в быстрой вспышке пламени.

Он наступил на письмо, конверт сгорел, но открытка внутри каким-то образом осталась совершенно нетронутой, если не считать черных пятен от его пальцев.

Он прочитал письмо и пробормотал:

– Черт возьми.

Было уже за полночь, и когда Рей услышал звонок от входной двери, он понял, кто это. Он собрал свои вещи и написал своему парню, что у него срочные семейные дела и он уедет на пару дней.

Утром ему надо будет первым делом позвонить Жасмин. По крайней мере, Кришан все еще здесь и уберет мусор.

Когда Рей спустился, Маримар стояла, прислонившись к стене дома, с коричневым бумажным пакетом в руках.

– Она чуть не подожгла мой офис, – пожаловался он.

Маримар пожала плечами и впиалась зубами в бейгл.

– В нашу квартиру ворвался голубь.

– Он тоже сгорел?

– Нет.

– Обычно бабушки присылают пятидолларовые купюры в открытках «Холлмарк» или банки с ирисками.

Они дошли до угла, он поймал такси и назвал адрес.

– У кого-то из твоих знакомых есть такая бабушка? – с сомнением в голосе спросила она.

– Ни у кого, но должны же они существовать.

– Ага, инопланетяне тоже существуют.

Они пришли в свою квартиру и собрали вещи. Около двух часов ночи Рей и Маримар оказались в его старом пикапе, том, который остался от отца и который Рей обычно парковал на небольшой стоянке возле Ист-Ривер. Безвкусный череп висел на зеркале заднего вида рядом с деревянными четками, которые принадлежали его бабушке по отцовской линии.

– Слушай, не может быть, что старая ведьма умирает, – сказал Рей.

Маримар содрала заусенец до крови у ногтя большого пальца. Орхидея хлопнула бы ее по руке, если бы увидела. Двигатель завелся, и они влились в уличное движение.

– Скоро узнаем.

* * *

Татинелли старалась успокоиться и не уронить вазочку с мороженым, которая стояла у нее на животе.

Мороженое было четырех видов: фисташковое, вишневое с шоколадом, ревеневое с ванилью и сорбет из маракуйи. И единственным, что она могла переварить на восьмом месяце беременности. Олимпия в штате Орегон не отличалась теплой погодой, но в тот весенний день неизвестно откуда на город накатил волна жары, поймав в ловушку будущую мать и усердно работающий кондиционер.

Она откинула голову на подлокотник дивана и вздохнула.

Ребенок не толкался уже пару дней, и она перепробовала все, чтобы расшевелить его, потому что это затишье заставляло ее нервничать. Ее врач, молодой человек, который сам никогда не вынашивал ребенка, сказал Татинелли, что все, что она чувствует и не чувствует, – совершенно нормально. Но это был их с Майком первый ребенок (первый из многих, как она надеялась), и любые покалывание, боль или необычное состояние заставляли ее волноваться.

Татинелли Салливан, урожденная Монтойя, росла единственным ребенком, и, хотя у нее было много двоюродных братьев и сестер, в какой-то момент все уехали из дома, в котором выросли, и больше не возвращались.

Ей было трудно объяснить Майку, что это был за дом. Во что верили ее отец и бабушка. Это были бы истории об истинных желаниях и женщинах, гадавших по звездам, о скользких морских девах и зачарованных реках. О призраках, которые могут проникнуть в дом, если не насыпать достаточно соли. О феях, живущих в облике насекомых на холмах их родового поместья в Четырех Реках. О волшебных вещах. Невозможных.

Майк родился и вырос в Портленде. Он был высоким и жилистым до такой степени, что казалось, будто его растянули. Он играл в бейсбол и баскетбол в средней школе и каждое утро проезжал тридцать миль на велосипеде по лесным тропам. Лучшим в Майке было то, что он не менялся. Разбуди ее среди ночи, она без запинки перечислила бы все его ежедневные занятия.

Это было глупо, но на выпускном вечере в школе в Четырех Реках Татинелли загадала желание. Она не хотела многого. Она не была похожа на Маримар, требующую объяснений от мира, или на Рея, горевшего огнем и цветом, или на младших кузенов, которые хотели славы и денег. Она не была похожа и на своего отца, мечтавшего быть мэром города, больше не существовавшего.

Татинелли хотела хорошую жизнь, хорошего мужа и ребенка. Вот и все. Этого достаточно.

В момент, когда это желание сорвалось с ее губ, она впервые в жизни почувствовала волшебство, о котором говорила бабушка. Татинелли стала повсюду видеть знаки. Указывающие на Техас, кто бы мог подумать! В ту ночь она оставила письмо семье, уложила свои пожитки в чемодан, который ее мать покупала для путешествий по миру, и поднялась по крутой дороге, ведущей к шоссе. И за рулем первой машины, которую она увидела, внедорожника, сидела женщина, направлявшаяся в Техас.

Аннет, водитель, дала ей комнату на ночь и предложила работу. Внеся небольшую плату, девушка должна была привлекать людей к продажам интернет-услуг компании-провайдера под названием *DigiNet*. Татинелли, которая никогда ничем особо не интересовалась, справлялась прекрасно и через некоторое время образовала обширную сеть коллег в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет. Она даже отбила первоначальный взнос и сумела снять собственную квартиру-студию. Затем в один прекрасный день Аннет и *DigiNet* исчезли. Ни еженедельных встреч на кухне Аннет, ни машины у ее дома, ни подключения к Интернету. Татинелли

пришлось идти пешком до торгового центра, чтобы вернуть подключение, и там, на стойке с аксессуарами для телефонов, она заметила табличку «Нужна помощь». Ей сразу же предложили работу.

Несколько недель спустя она познакомилась с Майклом Салливаном, который приехал из Портленда в командировку. Ему не нужны были три чехла для телефона и автомобильное зарядное устройство, но он все равно купил их. Он был очарован ее улыбкой, которая показалась ему слаще всего, что он когда-либо пробовал. У нее были большие раскосые глаза. Ее светло-каштановые волосы длинными витыми прядями спадали на стройную фигуру. Она производила впечатление лани, пытающейся перейти через автомагистраль I-10, и ему ужасно захотелось защитить ее, перевести на другую сторону.

Майк совершил самый импульсивный поступок в своей жизни – пригласил ее на свидание. Они пересекли парковку и зашли в итальянский ресторан, где подавали бесконечные тарелки с пастой. К пятому часу потребления фетучини «Альфредо» Майк извинился и пошел в ломбард через улицу, где опустошил свой сберегательный счет ради кольца с изумрудом. После чего вернулся в «Меццалуну».

Татинелли, конечно, сказала «да». Ее семья не понимала, почему они не могли подождать несколько лет, но большинство родных приехали на скромную свадьбу в лесу Орегона, где Татинелли Монтойя стала первой из своей семьи, взявшей новую фамилию. Татинелли Салливан.

Салливаны не верили ни в привидения, ни в семейные проклятия. Они использовали соль только в еде. Они никогда не получали штрафов за превышение скорости и всегда читали «положения и условия». Они никогда не дрались, не кричали и не носили цветов ярче пастельных. Они любили своего сына и любили Татинелли, даже если те были слишком юны для брака – это просто означало, что у них будет больше времени, чтобы быть вместе.

Ее бабушки не было на свадьбе, но Татинелли с детства знала, что Орхидея не покидает Четырех Рек. Возможно, потому что не может.

Теперь, беременная и страдающая от неожиданной жары, Татинелли не понимала, почему думает о бабушке, которую не видела два года с тех пор, как уехала из Четырех Рек. Дело не в том, что они не ладили. Но Татинелли всегда чувствовала себя в семье обособленной, отстраненной. Как если бы она любила что-то издалека и не нуждалась в том, чтобы стать его частью. Она хранила Четыре Реки в своем сердце, как и всех Монтойя.

У Татинелли Салливан был хороший дом с садом и цветником. Она была замужем уже полгода, и, насколько знала ее мать, срок беременности был такой же. У нее было все, о чем она мечтала. Эгоистичная часть души Татинелли, та, о существовании которой она и не подозревала, нуждалась еще в одном – в бабушке. Татинелли хотела, чтобы у ее ребенка была чудесная, необыкновенная, волшебная Орхидея. У ее девочки. Татинелли была почти в этом уверена, хотя для Майка это будет сюрприз.

И в этот момент ее малышка толкнулась так сильно, что вазочка, до этого стоявшая у нее на животе, перевернулась, и поймать ее не удалось.

Входная дверь открылась, и в комнату ворвался землистый аромат, смешанный с запахом пота от мужа, который показался на пороге в своем черном с неоном велосипедном костюме и шлеме.

– Милая? – Он скинул ботинки у двери и подошел к ней со стопкой почты в руке. – Тебе пришло письмо от бабушки. Удивительно, на нем нет марки.

– Подумать только, – задумчиво сказала она, и в этот момент ее живот пронзила боль. Татинелли улыбнулась и выдохнула между сильными толчками.

– Ты будешь сильным, не так ли, мой малыш?

Майк оглядел свою идеальную жену с ее идеальным животом в их идеальном доме. Вазочка с мороженым на полу.

– Что случилось? – спросил он, поднимая вазочку, чтобы ей не пришлось вставать.

Татинелли провела его рукой по своему животу, и он почувствовал стук ножки их ребенка, встревоженного и готового появиться на свет.

– Мы едем повидать Орхидею, – сказала Татинелли. Она знала это. Каким-то образом, какой бы обычной и простой она ни была, она нутром почуяла, о чем говорилось в письме.

Майк нахмурился, но усмехнулся.

– Да?

Она погладила свой живот там, куда пришелся сильный толчок.

Теперь она говорила со своим ребенком прямо, без посредства слов. «Ты знаешь, Орхидея тоже была сильной девочкой».

3. Девочка, выросшая под открытым небом

Изабелла Монтойя придумывала имя для своей новорожденной дочери. Имя важно, даже если она не придерживается традиций своей семьи. Саму Изабеллу, до вмешательства ее отца, хотели назвать Матильдой, в честь Матильды Идальго, знаменитой суфражистки, первой женщины, окончившей среднюю школу в Эквадоре, первой женщины, проголосовавшей в Латинской Америке, первой получившей степень бакалавра, и так далее и тому подобное. Имя такой успешной женщины патриарх семейства Монтойя счел слишком революционным. Вместо этого Изабелла Белен Монтойя Урбано была названа в честь тети, чей мягкий нрав и умение играть на пианино помогли ей удачно выйти замуж.

Новоиспеченная мать мысленно перебирала список семейных имен. Кузина Даниэла слишком некрасива. Берта слишком чопорна. Каридад сплетница. В списке была и тетя Пьедад, самая добрая из всех ее провинциальных родственников. Но назвать свою незаконнорожденную дочь именем, означавшим благочестие, было бы слишком иронично, по ее мнению.

Родильное отделение было забито узкими койками с роженицами. Мать Изабеллы пересекла комнату, чтобы подойти к постели дочери. В ее волосах, которые прошлой ночью были черными, как оникс, появились серебряные нити. Лицо женщины было твердым, как мрамор, она шла медленно, осторожно, словно по натянутому канату. Гуаякиль был многолюдным городом, но не таким уж большим. Она боялась, что кто-нибудь ее узнает, увидит, что она нарушила запрет мужа, распространявшийся на всех вплоть до садовника, навещать Изабеллу и ребенка. К тому же девочку.

Роберта Аделина Монтойя Урбано стояла рядом со своей дочерью. Взяв ручку ребенка, она раздвинула пальчики новорожденной с такими нежными ноготками, что они были почти незаметны. Она изучала цвет кожи, линии на ладони, как будто это определяло будущее малышки.

– Mamá, – сказала Изабелла.

Роберта закрыла глаза. Она вытащила из сумочки мятый белый конверт и положила его на прикроватный столик. Добрая католичка, она должна была с чистой совестью сказать своему мужу, что не разговаривала с Изабеллой. Но он не говорил, давать или не давать ей денег.

Изабелла крепче прижала к себе ребенка и смотрела, как уходит мать.

Хорошенькая молоденькая медсестра обошла ее кровать. Она проверила, удобно ли Изабелле, и спросила:

– Как ты ее назовешь?

В семье Монтойя первого ребенка по традиции называли в честь отца, где бы тот ни находился. Но она не могла себе представить, что будет произносить его имя всю оставшуюся жизнь. Они провели вместе одну ночь, а потом он ушел. Перед отъездом он оставил ей две вещи, и только одну из них – в подарок. Орхидею, растущую только в Эквадоре. Корабль, на котором он служил, экспортировал их в Европу, но он украл одну для нее. Прекрасный цветок, не похожий ни на что, что она видела прежде, – белый, темно-сливовый и мягкий. Он все еще был с ней, но приобрел бежевый оттенок, зажатый между страницами книги, которую она не могла заставить себя дочитать. Второй была ее дочь, невесомая, хрупкая, как тот цветок, которому не нужна твердая почва, чтобы расти.

Орхидея.

* * *

Деньги в смятом белом конверте были растянуты настолько, насколько это было возможно. Потом Изабелла нашла работу в кабинете врача на другом конце города и проводила

долгие часы в крошечном доме на промышленном участке земли у берега. Хотя она жила в двух шагах от дома своего детства, семейство Монтойя не хотело иметь ничего общего с незамужней матерью и несчастной девочкой. Незаконнорожденной дочери не суждено было унаследовать землю, титулы, фамилию своего отца или даже любовь, которая ничего бы не стоила членам клана Монтойя, умеи они испытывать это чувство.

Когда Орхидея подросла, она быстро поняла, что, если она чего-то хочет, ей придется узнать все то, чему научить ее некому. В пять лет она проходила пешком четверть мили до пирса. Старый рыбак – обтянутый темной кожей скелет – научил ее ловить рыбу на ужин и вычищать розовые кишки. Она отдавала обрезки кошкам, которые ленивыми тенями бродили за углом ее дома.

Длинная пыльная дорога, вдоль которой стояли цементные дома с железными крышами, называлась Ла-Атарасана в честь старых колониальных верфей. Корабли давно ушли, Изабелла поселилась на пустынной береговой линии, и вскоре ее примеру последовали другие. Орхидея была известна в округе как странная смуглая девочка с нечесаными черными кудрями. Только кошки ходили с ней повсюду.

Когда мать, наконец, записала ее в школу, она научилась читать и писать. А еще бороться с девочками из хороших семей, которые смеялись над ее именем, ее кожей, вообще над ней. Переносить побои линейкой от учителей, после которой ее руки и ладони болели, а позже ремнем от матери за позор – дочь, которая дерется, как уличная девка.

Она научилась зашивать свою единственную форму, когда расходились швы, и штопать дырки на носках. Узнала, куда бить мальчишек, которые пытались засунуть руку ей под юбку или ущипнуть ее, словно спелые персики, груди. Как бить по-настоящему сильно. Научилась щипаться и кусаться, потому что это был единственный способ избежать ограбления по дороге домой из школы. Когда бить не получалось, она использовала свой рыболовный нож. Орхидея подносила его к промежности мальчишки и говорила: «Я могу выпотрошить рыбу за две секунды. Как думаешь, что я могу с тобой сделать?» Ее сердце бешено колотилось, и ее называли злобной, грубой, жестокой. Но защитить ее, кроме нее же, было некому.

Она узнала, что никто никогда ее не захочет по не зависящим от нее причинам и что молитвы облупленным статуям *Virgen María* и *el niño Jesús*⁹ остаются без ответа. Она научилась выживать и выжила благодаря тому, что училась.

Когда ей исполнилось тринадцать, она стала настоящей красавицей, с блестящими черными кудрями, кожей цвета темного меда, но все еще казалась странной, и с ней по-прежнему ходили кошки, а в ее ежедневных прогулках к берегу реки к ней стали присоединяться и петухи.

Возможно, самым важным, что узнала Орхидея за время своей жизни в Гуаякиле, был ее отец. Она встретила с ним однажды, но не заполучила его имени.

Когда она впервые встретила с своим отцом, ей было семь лет. Все принимали ее молчание за глупость, но ум Орхидеи был таким же острым, как ножик в ее кармане. Во лжи людей она видела правду. Видела грех в их деяниях. И в лице незнакомца увидела свое лицо. Ее отец, колумбийский рыбак, ставший моряком, до этого был в их городе всего раз. Высокий мужчина с черной кожей и улыбкой, от какой у женщин кружилась голова. Он пришел к старому дому Изабеллы Монтойи, но пробежавший мимо мальчишка сказал, что она там больше не живет, и за несколько монеток показал моряку нужный дом.

Он был рад узнать, что женщина справляется сама и что она не замужем. Изабеллу он не застал, но за столом сидела Орхидея, пила *café con leche*¹⁰ и читала учебник.

⁹ Девы Марии и младенца Иисуса (*исп.*).

¹⁰ Кофе с молоком (*исп.*).

Они узнали друг друга без слов. Иногда кровь узнаёт кровь. Дело было в красивых родинках, которые образовывали идеальный треугольник над их левыми скулами, в том, как они оба наклонили голову в сторону, когда увидели чужака перед собой. В изгибе полных губ, рождавшем ямочку, которая могла бы завоевать сердца во всех часовых поясах и полушариях.

Он заговорил. Не назвал своего имени. Не спросил, как ее зовут. Он вытащил из внутреннего кармана жилета просоленный кошелёк с монетами, взял маленькую руку Орхидеи в свою. Положил мешочек ей на ладонь и сказал:

– Не ищи меня.

Он вернулся в доки, и именно тогда Орхидея поняла, что она точно такая же, как ее отец, не привязанная, не принадлежащая ничему и никому, как корабль, затерянный в морях.

4. Паломничество к Четырем Рекам

Они были в дороге уже тринадцать часов. Маримар потянулась выключить радио – Рей шлепнул ее по руке.

– Мы слушали эту песню сто раз, – воскликнула она, допивая свою газировку.

– Пятьдесят. Не преувеличивай.

– У тебя вся музыка, как у альфа-самца на вечеринке.

Рей рассмеялся, держа одну руку на руле, а другую положив на открытое окно. Автострада I-70 была пуста на всем протяжении Индианаполиса. Если не принимать во внимание остановки за порциями фастфуда, они двигались с отличной скоростью.

– «Here I Go Again»¹¹ – это *классика*, – возразил Рей. – Когда придет твоя очередь сесть за руль, ты сможешь выбирать музыку.

– Но ты не дашь мне вести машину.

Его светло-карие глаза озорно сузились.

– Вот именно.

– Отлично. Но когда мы доберемся до дома, диджеем буду я.

Рей изобразил на лице отвращение. Потом он потянулся к ящику с сигаретами и достал одну из желтой пачки.

– Мы действительно должны там быть?

– Ответ, конечно, «да», – ответила Маримар. Она была без обуви, и ее пятки упирались в приборную панель. Пальцы ног с покрашенными красным лаком ногтями подрагивали в прохладном воздухе Среднего Запада. – Она наша бабушка.

– Орхидея осталась одна. И уже старая. Она хочет внимания, а это единственный способ его получить.

Он зажег сигарету одной рукой и бросил металлическую зажигалку, еще одну памятную вещь, оставшуюся от давно умершего отца, в бардачок под радио.

– Сколько ей лет? – спросила Маримар. – Наверное, где-то между шестьюдесятью и восьмьюдесятью.

– Знаешь, однажды я решил поискать в ее вещах, чтобы узнать, что она скрывает. Почему она такая загадочная. У нее в ящике был гребаный питон.

– Он сбежал из зоопарка поблизости.

– И случайно оказался у нее в комод? Ладно. – Рей скривился в притворном согласии. – Он ужалил меня.

– Питоны не ядовиты. К тому же, я думаю, все искали в бабушкиных вещах, но не наткнулись ни на змею, ни на что-нибудь супердорогое, что раскрывало бы ее тайну. Может быть, скоро мы все узнаем.

– Долина стоит больших денег. Думаешь, она разделит ее между оставшимися детьми? О, я попрошу патефон. А ты, может быть, получишь фарфоровый чайный сервиз, из которого ты украла чашку, – наконец у тебя будет полный комплект.

Маримар закатила глаза и перевела взгляд на равнины и шоссе, тянувшиеся впереди – они были словно декорации из фильма, к которым, однако, казалось, им никогда не удастся приблизиться. Что-то внутри нее сжалось от мысли поделить бабушкины вещи, как пирог. Наверняка это будет непросто.

– Тебе не грустно? – спросила она.

Песня заиграла с начала. Рей, казалось, вместе с сигаретным дымом выдохнул разочарование.

¹¹ Песня британской рок-группы Whitesnake.

– Было бы грустно, если бы она иногда хотя бы брала трубку. Большинство бабушек осыпают своих внуков подарками и похвалами.

– Так вот что тебе нужно – подарки и похлопывания по спине?

– Я получил свою гребаную степень бакалавра за два года вместо четырех и лицензию бухгалтера. Думаю, я это заслужил. – Он стряхнул пепел за окно и положил голову на подголовник. – Ладно, хватит. Она просто нагнетает. Наверное, сожалеет, что выгнала всех из дома, а это единственный способ заставить нас вернуться.

– Или она сказала правду, а мы делали слишком много остановок. Мы можем приехать слишком поздно. Что, если она правда больна?

– А ты по-другому заговорила, чем тогда, когда только приехала из дома и стала жить с нами. Помнится, это твои слова: «Никогда больше не хочу видеть эту старую ведьму».

Маримар вспомнила, как сидела в своей комнате после смерти матери. Она утонула. Как ее мать утонула в озере, в котором плавала всю жизнь? Как могла утонуть ее мать, которая выигрывала соревнования в школе и плавала в Тихом океане? В голове не укладывалось, но шериф Палладино сказал, что ее мать, должно быть, ударилась головой о причал и потеряла сознание. К тому времени, когда они нашли ее, было уже слишком поздно.

Орхидея любила повторять, что их семья проклята. Но не говорила почему. Маримар не особо верила в это до того дня. Смерть матери привела ее в ярость. Зачем было все это? Свечи, кристаллы соли, петухи, гребаные лавровые листья, предназначенные для защиты. Все реликварии, которые, по мнению ее бабушки, гарантировали их семье удачу, оказались бесполезны, потому что Пена Монтойя, ее прекрасная, сумасбродная, замкнутая мать, так или иначе, утонула. Если на них лежало проклятье, то из-за Орхидеи. Тринадцатилетняя Маримар не сомневалась в этом. Она как с цепи сорвалась. Она перебила вазы, банки с кореньями и травами, бутылки с янтарным ликером. Взяв кухонный нож, начала вырезать драгоценные золотые листья Орхидеи, но они так глубоко ушли в дверь и окна, что она едва сумела их поцарапать.

Очарование долины рассеялось. Маримар не могла этого вынести. Она села в автобус, взяв с собой рюкзак с одеждой, растение в горшке и украденную фарфоровую чашку с большими розами. Она проплакала всю дорогу до Нью-Йорка.

Теперь, по дороге к дому, она не плакала.

– Можно любить человека, даже если он причинил тебе боль.

– Но это не значит, что нужно это делать.

Рей искоса взглянул на нее; его рот, наполненный сигаретным дымом, скривился, сигарета сгорала так же быстро, как и его нервы.

– Может быть, она была права насчет семейного проклятия, – сказала Маримар. Она пыталась пошутить, но вышло уныло.

– Латиноамериканские семьи думают, что они прокляты, просто потому что не винят Бога, Деву Марию или колонизацию.

На это она фыркнула.

– Может быть, мы не такие, как другие семьи.

– Ты никогда не чувствовала, что тебя водят за нос?

Маримар посмотрела на радио. Бесконечные мелодии Whitesnake были как особый вид пыток. Ее взгляд обратился на прекрасное сине-фиолетовое небо.

– Говори конкретнее.

– Да все ее истории. Сказочные существа и прочая волшебная ахинея.

– Все бабушки рассказывают внукам истории, – сказала Маримар.

– Да, но я всегда чувствовал, что Орхидея говорит серьезно. Что она действительно считала, что чудовища поджидают за дверью. Что если она выйдет, кто-то придет и заберет ее. И нас тоже.

– А что если ее чудовища когда-то были реальными, ты никогда об этом не думал?

Маримар повернулась и посмотрела на своего кузена. Его глаза и нос с горбинкой были как у отца, а высокие скулы и губы – как у матери. Маримар вспомнила его мальчиком, с которым они когда-то играли. Он делал себе доспехи из фольги и консервных банок. Они бежали мимо озера и карабкались на холм защищать свою землю. Они ждали чудовищ, но те так и не появились.

– Возможно, – сказал он и помедлил, а слово словно повисло на несколько секунд между ними, – это только потому, что мы не знаем ее. По-настоящему.

– Ты когда-нибудь спрашивал?

У него на лице отразилось отвращение, и он сунул окурок в пепельницу.

– Спрашивал бабушку о ее жизни? *А как же.* Она сказала только: родилась в Гуаякиле, в Эквадоре, и переехала в Четыре Реки с Луисом. Однажды я попросил ее помочь мне с проектом по родословной, а она ответила, что это все неважно. Я провалился со своим гребаным генеалогическим деревом, потому что не смог его заполнить.

– Да, конечно, твой средний балл в детском саду сильно пострадал.

– Это был седьмой класс, стерва, – ответил он. – Помнишь, когда твоя мама умерла и ты попросила Орхидею связаться с твоим отцом, она сказала, что тебе лучше не знать его? Как...

– Я знаю, ты боготворишь своего отца, но это не значит, что у всех со своим такие же отношения. Мы не знаем причин ее поступков.

– Ну, а я хотел знать. Тебе не кажется странным, что Орхидея никогда не покидает своих владений? Что у нее есть свое кладбище, полное ее мертвых гребаных мужей? Все наше детство она говорила, как важно оставаться вместе, быть семьей, но, когда ее дети захотели идти своим путем, она выгнала их. Орхидея не просто отталкивает людей, она выжигает землю и посылает ее солью. Здесь что-то не так. Это какая-то хрень, и ты не можешь с этим не согласиться.

Маримар снова принялась цеплять кожу у ногтя. Она вспомнила, что в детстве делала то же самое и один раз обгрызла большой палец чуть ли не до кости. Она вспомнила, что тогда сидела в открытой просторной кухне и смотрела, как бабушка срезала лист с алоэ, разрезала зеленую мясистую кожу с точностью хирурга, зачерпнула сочную мякоть и намазала ее Маримар на кожу. Кожа горела, а позже, сунув большой палец в рот, Маримар заплакала от горького вкуса, но к концу недели перестала сосать палец.

Маримар понимала, что Рей прав. Их бабушка не была идеальной, но она пришла из другого времени. Они не понимали ее. Но чего хотел Рей?

– Ты помнишь, как зажигали эти свечи по обету и загадывали желания? – спросил он. – Она говорила, что они сбудутся.

– Да, – согласилась она. – И что ты загадал?

Он сделал глубокий вдох.

– Бойфренда.

Она широко улыбнулась.

– Это тем летом тебя застали в сарае с мальчиком Ковальски?

– Семь лучших минут, проведенных в раю, какие у меня когда-либо были.

Он побарабанил пальцами в такт песне, и звук отразился эхом на пустой дороге. Закрыв глаза, он мог бы представить, как его отец играет на воображаемой гитаре на парковке стадиона «Янкиз», пока они подкрепляются хот-догами перед началом матча.

– А ты?

– Хорошие оценки, ровные зубы и однажды встретиться с моим отцом. – Пена рассказала Маримар о ее отце только то, что он ворвался в ее жизнь как шторм и так же быстро исчез. Маримар знала, что Орхидея была против этого союза, потому что, когда поднималась тема ее отца, она прикусывала язык и только ворчала. Маримар знала, что он оставил ее матери серебряное кольцо, украшенное звездой с расходящимися лучами, но оно пропало в озере, когда Пена утонула.

Если бы можно было вернуться, если бы желания, нашептанные свечам на странном алтаре их бабушки, действительно могли бы сбыться, сейчас она была бы более разборчива. Может быть, вместо того, чтобы желать встречи с отцом, которого она никогда не видела, попросила бы у Вселенной исправный компьютер или вдохновения для повести, которое исчезло после третьей главы.

– По крайней мере, в том году я поставила себе брекеты.

– Как-то я спросил ее, почему она говорит совершенно без акцента. И даже вряд ли слышал, чтобы она говорила по-испански. И ты помнишь, что она ответила?

– Она сказала, что смешала в миске землю с заднего двора, красную каменную глину и листья мяты и потеряла этой смесью язык.

Маримар так расхохоталась, что после еле отдышалась.

– Тогда ты попробовал это на себе, чтобы сдать немецкий.

Рей ощутил песок во рту и дождевого червя, которого не сразу заметил.

– Быть доверчивым для ребенка нормально, Рей, – сказала она, толкнув его локтем. – Цель детства в этом. Верить во что-то, пока мир не докажет, что это не так.

Почему он так злился на бабушку? Думая о ней, он ощущал собственную наивность, отчего ему становилось не по себе. Как будто он всю жизнь наблюдал за фокусницей, а потом узнал, насколько просты ее трюки. Он думал о бабушке как о колдунье, bruja¹² с домом, гудящим от магии. Кладовые, заполненные нескончаемыми запасами кофе, риса и сахара. Земля, которая всегда была зеленой и плодородной. Не ее вина, что он это рационализировал: «у нее, должно быть, постоянные поставщики, которые приходят, пока я бегаю за фермерскими мальчишками» или «просто в долине с названием Четыре Чертовы Реки земля должна быть плодородной».

Наследие Орхидеи было тайной и наполовину ложью. Со временем правда и горечь разбавили сладкие воспоминания. Орхидея не была bruja и не была могущественной. Он не хотел бы быть похожим на нее. Он злился на себя за то, что слишком поздно понял, что ее истории – всего лишь сказки. Что она не колдунья с магией, спрятанной, как серебряная монета и пойманная ловкими пальцами за ухом дурака. Она была просто старой одинокой женщиной, пережившей много утрат. И все же, независимо от того, кем она была и не могла бы быть, она являлась столпом в его сознании. Орхидея Монтойя не могла умереть. Ни сейчас, ни когда-либо. Это его вдруг взволновало.

– Я не чувствую себя обманутой, – наконец сказала Маримар.

– Твое счастье, – тихо проговорил он и прибавил громкость.

Дорога впереди была свободна, и он нажал на газ, как будто мог бы взлететь, если бы достаточно разогнался.

¹² Ведьма (исп.).

5. Цветок на берегу реки

В тот день, когда мать Орхидеи выходила замуж в первый раз, девочка помогала ей наряжаться. Орхидея приклеила речной жемчуг к диадеме и всю ночь шила вуаль. Ее будущий отчим обещал подарить Изабелле Монтойе весь мир, но Орхидея все равно хотелось, чтобы ее вклад был как можно лучше. В тот знаменательный день мать и дочь сидели в маленькой комнате с туалетным столиком. Тогда они в последний раз остались ненадолго наедине.

– Ты выглядишь как королева, – сказала Орхидея, любуясь своей работой в зеркале.

– Подойди ко мне.

Изабелла потянулась к дочери. Теперь это была молодая девушка в розовом платье и блестящих белых туфлях с пряжками. Ее ноги и руки были сильными от плавания, от ходьбы, от рыбалки. Длинные прекрасные локоны растрепались от влажности и речной воды; красивая смуглая кожа казалась мягкой, как бархат. Изящные черты лица привлекали излишнее внимание. Некоторые местные жители называли ее *La Flor de la Orilla*, Прибрежный Цветок.

Изабелла ненавидела это прозвище, потому что оно звучало дешево.

Орхидея оно не нравилось, потому что она знала, что она не цветок, нежный, красивый и ждущий, чтобы его сорвали. Для чего? Торчать в стакане с водой, пока не засохнешь? Чтобы понюхали? Она была чем-то большим. Она хотела глубоко укорениться в земле, чтобы ни человек, ни силы природы, если только не сами небеса, не могли вырвать ее оттуда.

– Теперь у нас все будет по-другому, – пообещала Изабелла. – Лучше.

Прежде чем Орхидея успела ответить, дверь открылась и в комнату легким шагом вошла Роберта Монтойя, держа в руках шляпную коробку и коробочку поменьше – для колец. Поздоровавшись с внучкой коротким кивком, она повернулась к Изабелле.

– Я надевала это в день своей свадьбы, а моя мама в день своей, – объяснила Роберта, поднимая крышку шляпной коробки. – Бог дает тебе второй шанс, и я тоже.

Изабелла была ошеломлена. Не из-за роскошной кружевной вуали, высовывавшейся из коробки. А потому, что прошло так много лет с тех пор, как она слышала голос своей матери, что она уже забыла его звучание.

Роберта сняла с дочери жемчужную диадему, и Орхидея подхватила ее, чтобы она не упала на пол.

– Чего ты там стоишь, девочка? – резко сказала Роберта и показала Орхидея коробочку поменьше, которую держала у груди. – Займись делом. Отнеси эти запонки сеньору Буэнасуэрте.

Орхидея посмотрела на мать, ожидая, что Изабелла вмешается. Но ее мать смотрела на свое отражение за прозрачными белыми кружевами – словно в тот момент, когда ее муж откинет их, она станет новой женщиной.

Свадьба была скромной, но элегантной. Орхидея пришлось уступить свое место бабушке. С балкона церкви она наблюдала, как Изабелла получила свой второй шанс на счастье. Никто из них – ни клан Буэнасуэрте, ни священник и уж точно не семейство Монтойя – не заметил ее там, наверху, когда она в волнении вытаскивала жемчужины из слоя клея на диадеме. И никто из них не знал, что, если бы не Орхидея, Прибрежный Цветок, не было бы свадьбы, второго шанса.

Вторую половину дня Орхидея обычно проводила на рыбалке и однажды в это время привлекла внимание мужчины, который теперь стал ее отчимом. Он был застройщиком и инженером. Такие мужчины врываются в маленькие грязные кварталы и провинциальные города. Они закладывают бетон, фундаменты для домов, дороги и тротуары. Они оставляют след. И детей после себя. В Эквадоре, государстве, которое все еще трансформируется, все еще превращается в то, чем оно хотело стать, инженер-застройщик был таким же обычным явлением, как

коты, шныряющие по дворам. Это была респектабельная и надежная работа, а заказы делало правительство.

Вдоль полосы домов у реки, где жила Орхидея, развивать было нечего. По крайней мере, так решил Вильгельм Буэнасуэрте после их беглого осмотра. Пройдя по безымянной дороге до берега, он спрятал свой золотой кулон под рубашку, закатал брюки до щиколоток, чтобы не запачкаться, и засунул руки в карманы.

Когда он доставал носовой платок, чтобы вытереть пот с крутого лба, у него выпал бумажник, а в этот момент мимо него проходила Орхидея Монтойя со своей корзинкой, полной рыбы, которую собиралась поджарить дома на ужин. Она подняла бумажник и окликнула Вильгельма. Хотя ее одежда была чистой – за исключением следов от брызг речной воды, – хотя она принимала душ каждый день, он отступил от нее на шаг, испугавшись девчонки ростом ему по пояс.

Она протянула бумажник.

– Вы уронили.

Вильгельм Буэнасуэрте родился в семье матери-немки и отца-эквадорца. Точнее, его отец был наполовину испанцем, наполовину местным жителем, плодом смешения рас. Но он считал себя эквадорцем до мозга костей. Его глаза были не совсем карими и не совсем зелеными. Нос не то чтобы с горбинкой, но и не то чтобы прямой. Волосы и не светлые и не темные. Кожа не белая, но белее, чем у большинства. Он гордился всеми составляющими его «я». И получив образование в Германии, он вернулся на землю своего отца, свою родину, чтобы сделать ее лучше, сделать ее больше.

– Спасибо, девочка, – ответил он. Достал банкноту в пять сукре и вложил ей в руку.

К этому времени Орхидея уже ненавидела мужчин, совавших ей в кулак деньги.

Так сделал ее отец – мужчина, который был ее отцом.

Так поступали мужчины, покупавшие у нее рыбу. Как-то один мужчина попытался дать ей десять сукре, чтобы она пошла с ним к нему домой. Ей было всего десять, и она, бросив пригоршню грязи ему в глаза, бежала всю дорогу домой и потом забаррикадировала дверь изнутри.

Она не думала, что этот человек был таким же, но кто она такая, чтобы судить?

В этот момент ее мать бежала вниз по пыльной улице, выкрикивая имя дочери. Фарфорово-белые щеки Изабеллы Монтойи покраснелись, а черные волосы выбились из аккуратного пучка, в который она всегда их стягивала.

Хорошенько рассмотрев элегантного мужчину, стоявшего перед ней, Изабелла успокоилась.

– Надеюсь, моя дочь не побеспокоила вас, сеньор.

Вильгельм Буэнасуэрте был так ошеломлен, что не мог вымолвить и слова в ответ. Что-то в его груди сжалось. На мгновение он задумался, не сердечный ли у него приступ. Конечно, он был слишком молод, но ведь его отец умер от приступа. Нет, это что-то другое. Женщина перед ним, одетая как офисный работник, была так нежно красива, что он почувствовал непонятное желание сделать все возможное, чтобы защитить ее.

Обручального кольца она не носила, но у нее был ребенок лет двенадцати. Ошибка молодости. Его отец всегда говорил ему, что женщин легко сбить с пути истинного, и им нужны хорошие мужчины, чтобы держать их на пути семьи и Бога. Вильгельм Буэнасуэрте считал себя хорошим человеком.

– Никакого беспокойства, сеньора... – Он протянул руку и сделал паузу, чтобы дать ей возможность назвать себя.

– *Сеньорита* Изабелла Монтойя, – представилась она, сообщая, что свободна.

Он еще раз осмотрел грунтовую дорогу. Широкая река Гуаяс таила в себе тихое обещание. Внезапно Вильгельм увидел шоссе, которое когда-нибудь здесь пройдет. Променада протянется до самого холма Санта-Ана. Но прежде нужно убрать эти лачуги и громоздкие рыбац-

кие лодки. Возможно, он поторопился отвергнуть этот участок. Вильгельм Буэнасуэрте нашел причину остаться.

* * *

Орхидея не потратила деньги, которые дал ей Вильгельм Буэнасуэрте. В день своей смерти она вернет их.

6. Первая смерть Божественной Орхидеи

Маримар поняла, что они почти дома, когда, облизнув губы, почувствовала привкус соли. Они провели ночь в Лоуренсе, штат Канзас, в дешевом отеле в центре города в районе колледжа. Они оба были слишком взвинчены, чтобы спать, и допоздна выпивали в баре, освещенном неоновыми огнями, под аккомпанемент кантри-метал – группы, играющей вразлад каверы на известные песни. Бар закрывался в полночь, поэтому она курила сигареты Рея и давала деньги воющему уличному музыканту, пока Рею гадала по ладони студентка-старшекурсница, вся в татуировках и с пирсингом. Они проснулись до рассвета, приняли душ и снова отправились в путь.

– Что тебе сказала гадалка? – спросила Маримар.

– Сказала, что однажды я спасу чью-то жизнь, – сказал Рей.

– Загадочно.

– И что я отправлюсь в путешествие и встречу красивого незнакомца. – Последнюю фразу он произнес с явным кокетством.

– Забавно. Может быть, у него есть брат, и мы устроим двойное свидание.

– Может быть, близнец окажется порочным, и мы сможем разыграть сюжет одной из любимых маминых мыльных опер.

– А там у всех порочные близнецы?

– Надо было взять провидицу с собой, чтобы она погадала всем членам семейства.

Они болтали и болтали, обсуждая все и вся, кроме своей семьи. Но когда воздух наполнился резким запахом земли и диких цветов, соли, хотя море было далеко, они затихли.

Сначала Маримар подумала, что в этих краях ничего не изменилось – ни неуступчивое солнце, ни голодная дикая земля, ни разъедающая шины дорога, которая вела к дому. Но затем она вдохнула воздух поглубже и почувствовала запах, которого не было, когда она уезжала шесть лет назад. Тот самый, что исходил от приглашения и который она не сумела определить, – дух обветшания.

Маримар опустила стекла, так чтобы в машину со свистом врывался ветер, а сухие листья залетали и падали ей на колени. Она держала за черешок зеленый лист. На мгновение ей показалось, что, если закрыть глаза, она сможет обозреть всю его жизнь, дерево, с которого он слетел, и землю, которая его взрастила. Она поднесла листок к носу и пожалела, что у нее нет с собой книги, в которую можно было бы его положить. Затем позволила ему упасть к ее ногам на кучу стаканчиков от кофе и контейнеров от фастфуда.

Пикап Рея трясло из стороны в сторону, брелоки раскачивались под зеркалом заднего вида.

– А ты надеялся, что она замостит подъезд, – пробормотал он.

– Замостить подъезд? – сказала Маримар, подражая строгому голосу их бабушки. – Тогда можно было бы подумать, что я хочу, чтобы люди нашли сюда дорогу.

Рей припарковал пыльный красный джип за аккуратным рядом машин на обочине безымянной дороги, ведущей к дому Орхидеи.

– Это самое дальнее, куда может доехать эта рухлядь.

Другие Монтойя уже были на месте. «Ламборджини» Энрике стоял укрытый черным брезентом. Между двумя серебристыми седанами был зажат розовый «жук» кузины Татинелли. Другие машины, все явно поспешно припаркованные, она не узнала – значит, приехали многие члены семьи, которых она не видела много лет. Маримар жила в этом доме только с Орхидеей, неродным дедушкой Мартином, ее мамой, тетей Парчей и Реем. И такую толпу здесь она не видела, наверное, никогда. Когда умерла ее мама, столько народу определенно не приехало. Орхидея велела другим Монтойя держаться подальше для их же блага. Маримар все еще не

простила этого бабушке. И все же теперь Маримар, вдохнувшая воздух долины так глубоко, что стало больно легким, не могла дожидаться, когда окажется у подножия холма. Рей вытащил пачку сигарет и хлопнул ею по ладони.

– Давай просто покончим с этим.

– Ничто так не объединяет семью, как обещание богатства, – сказала Маримар, захлопывая дверцу. Она вышла босиком. Когда она была маленькой, ей нравилось зарываться в землю пальцами ног, представляя, будто это черви. Но сейчас земля казалась пересохшей, и Маримар пошарила рукой на заднем сиденье, чтобы найти свои потрепанные дешёвенькие мокасины.

Рей покачал головой, но, встав рядом с ней, покорно достал белое приглашение с черными строками, провел большим пальцем по идеально выписанным бабушкой буквам. Он задавался вопросом, не затеяла ли она игру вроде тех, какие он помнит из детства. Однажды она спрятала вещи в доме и дала детям подсказки. Маримар нашла пуговицу, Рей – картофелину, а Татинелли картину с каминной полки. Может быть, это приглашение тоже было загадкой. *Приходите и заберите*. Может быть, она не умирает...

Они начали спускаться с крутого холма. Маримар раньше всегда бегала здесь по траве, пытаясь разбудить фей, живших в дебрях сада. Орхидея любила рассказывать истории о крылатых созданиях, которые защищают ранчо с помощью таинственной магии, порожденной звездами. Орхидея обещала, что если Маримар отыщет в себе искру, если проявит свои способности, то разбудит фей. Но сколько бы Маримар ни старалась, сила в ней не проснулась и она никогда не видела фей – ей попадались одни жуки и стрекозы.

Шагая рядом с Реем, Маримар боролась с желанием броситься в высокую траву, чтобы еще раз поискать крылатых созданий. Но если феи когда-то и защищали долину, то теперь они, похоже, ее покинули. Чем ближе сестра и брат подходили к дому, тем желтее становилась трава. Зловоние заброшенной земли стало ощущаться явственно. Жители Четырех Рек называли Монтойя колдунами, да и похлеще, но прямо сейчас никакого волшебства здесь нет, даже если когда-то и было.

– Господи, что случилось? – спросил Рей.

Неужели Орхидея просто стала слишком старой, чтобы поддерживать процветание земли и собственное здоровье? В остальном Четыре Реки, когда они проезжали город, казались прекрасными – закусочная, заправочная станция, видеомогазин, – словно они застыли во времени. Но здесь... здесь все было совсем по-другому.

Маримар вспомнила одно ужасно жаркое лето. Было так сухо, что ей казалось, будто кожа у нее стала как шкурка ящерицы. У них не было кондиционера, потому что раньше он им никогда не был нужен. Но ее мать, Пена Монтойя, не собиралась терпеть засуху. Она поставила пластинку и прибавила громкость. Она потащила Орхидею и Маримар на улицу и сказала:

– Давайте позовем дождь.

Они вышли из дома, их голоса взмыли в небо, босые ноги подняли пыль. И когда небо разразилось громом и молнией, и чем-то похожим на падающие звезды, они помчались в дом, Мартин тогда приготовил им лимонад, который был ледяным, горьким, сладким и просто идеальным на вкус.

К Маримар вернулось ощущение тяжести. Ее охватило чувство, будто что-то вот-вот закончится и она никак не сможет этому помешать.

– Как угнетающе, а ведь она пока не умерла.

Рей вставил очередную сигарету в сухие губы. Его руки дрожали, когда он чиркал зажигалкой.

Маримар хотела рассмеяться, но смех замер на губах, когда она увидела толпу перед домом. Она вспомнила рассказы Орхидеи о разгневанных деревенских жителях, которые пытались и не смогли выгнать ее из города, когда она и ее покойный муж только что приехали. Но сейчас перед ними была не орда незнакомцев. Это была их семья.

– Почему все стоят снаружи? – спросила она.

Рей посмотрел на часы. В приглашении говорилось «не ранее 13:04», солнце истинно в зените. Орхидея была пунктуальна, но на часах уже почти три.

Расположившееся в конце дороги, между холмами, ранчо напоминало игрушечный домик с десятками крошечных кукол, стоявших рядом. Закрыв глаза, Маримар представила себе все, что находится в стенах дома. Половицы, которые стонали среди ночи, как будто дерево все еще было живым и пыталось освободиться. Высокие свечи и потоки воска, проникавшие в каждую трещину, какую могли найти. Большие открытые окна, впускавшие сладкий запах трав, сена и цветов. Жирные куры и свиньи, которых Маримар и Рей мучили, пока их матери, Пена и Парча, ухаживали за садом. В те времена ранчо было роскошным. Целый мир среди неба и гор, в котором царила Орхидея Монтойя.

Маримар отмахнулась от стрекозы, жужжавшей у нее над головой. Рей выдохнул сигаретный дым, и тот принял форму колибри.

Последний отрезок дороги был крутым, ветер дул им в спину, словно толкая их до конца пути. Когда они были маленькими, они бегали здесь наперегонки и скатывались вниз. Теперь они пытались сохранить равновесие, спокойно переставляя ноги, пока не оказались перед ранчо, где их ждали тети, дяди и двоюродные братья, которых они не видели много лет.

Встретить их всех было необыкновенным событием. Монтойя были не из тех семей, которые отмечают праздники, за исключением годовщины прибытия Орхидеи в Четыре Реки. Это была бабушкина версия встречи Нового года, которому она давала глупые названия. Год Абрикоса. Год Чупакабры. Однажды она позволила дяде Калебу-младшему назвать следующий год, и он придумал «Год Птеродактиля», потому что тогда был увлечен динозаврами. Маримар достала приглашение из заднего кармана и развернула его. Провела пальцем по словам «Год Колибри». Любимая птица Орхидеи.

– Что происходит? – спросила Маримар.

Толпа недовольно загудела.

– Орхидея всегда Орхидея, – процедила тетя Рейна и так плотно сжала губы, что размазалась помада.

Маримар пыталась посчитать своих двоюродных братьев, тетей и дядей, но все сбивалась со счета. Она наклонилась к Рею и пробормотала:

– Вот как выглядят двенадцать лет жизни с четырьмя мужьями.

– Достоин восхищения? – осторожно спросил Рей.

Впечатляющий результат для женщины, утверждавшей, что родилась неизвестно где и в детстве никому не была нужна. Когда Маримар спросила, почему все в семье носят фамилию Монтойя, хотя это фамилия матери, Орхидея просто сказала: потому что она хочет оставить свой след и, кроме того, ей было непросто родить их всех.

Семейство Монтойя делилось на следующие ветви.

Маримар и Рей представляли своих умерших матерей, Пену и Парчу Монтойя, и семейную ветвь, которая началась с их дедушки Луиса Освальдо Галарса Пинкая – он приехал из Эквадора в Четыре Реки вместе с Орхидеей и петухом Габо.

Он умер, когда их дочери были маленькими, от чего-то, что Орхидея именovala *patatús*¹³ – Маримар представляла, что это что-то вроде испуга. Пена Монтойя никогда не была замужем, и о своем отце Маримар знала только то, что он исчез еще до ее рождения. Парча Монтойя Рестрепо же показала характер, дав Рею второе имя не в честь отца, а Монтойя.

Следующим был Гектор Антонио Трухильо-Чен, пуэрто-риканско-китайский профессор, который спустился с холма, привлеченный ароматом кофе. Он проезжал здесь по пути в местный колледж, куда его пригласили читать лекции по сельскому хозяйству. Однажды после заня-

¹³ Приступ, удар (исп.).

тий он навел Орхидею, которой понравились его прекрасные глаза и крепкая фигура, и следующей весной они поженились. У них было трое детей, и все они здесь сегодня присутствовали. Феликс Антонио Монтойя Трухильо-Чен, его жена Рейна, их дочь Татинелли с мужем Майком Салливаном. Флоресида Дульсе Монтойя и ее дочь Пенелопа. Сильвия Арасели Монтойя Лупино, ее муж Фредерико и их сыновья-близнецы, Гастон и Хуан Луис.

После Гектора, который скончался от инфекции, полученной в экспериментах с гибридами растений, появился Кaleb Соледад. Кaleb, как и большинство людей, оказался в Четырех Реках, потому что заблудился. У него не было ни телефона, ни четвертаков, валяющихся в бардачке, а бензин, которым он только что наполнил бак, каким-то образом вытек в двух милях от дома. Он был химиком, родом из Техаса, разъезжал по стране, пытаясь составить идеальный аромат. Они влюбились друг в друга в ее саду, и Маримар, впервые услышав эту историю, подумала, что у них тогда был секс. У братьев и сестер Соледад Монтойя были такие же густые брови, угловатые челюсти, темно-оливковая кожа и зеленые глаза, как у их отца. Это были близнецы, Энрике и Эрнеста, и Кaleb-младший. Детей ни у кого из них еще не было.

Маримар огляделась в поисках четвертого мужа Орхидеи, Мартина Харрисона, бывшего джазового музыканта из Нового Орлеана, который пришел к веранде Орхидеи, потому что каким-то образом слышал звуки музыки от нее все время, пока поднимался по дороге. Его не было среди толпы терявших терпение Монтойя.

Именно тогда Маримар поняла, что имела в виду ее тетя Рейна, когда говорила: «Орхидея всегда Орхидея». Грудь сдавило. Маримар, протиснувшись сквозь толпу, бросилась к дому, вокруг ее головы теперь кружился рой стрекоз. Сердце ее упало. Дом ее детства оказался совсем не таким, каким она его помнила, и хотя Маримар ожидала некоторого беспорядка, она не была готова к тому, что увидела.

Темно-зеленый плющ и виноградные лозы вползли между деревянными панелями, через разбитые окна, поглощая все, будто намереваясь вернуть дом земле. Корни прорвались через веранду, как щупальца, и оплели дверную ручку, закрывая вход.

И если Орхидея внутри, они не дадут ей выйти.

Рей поднялся по ступенькам и встал рядом с Маримар. Кончиками пальцев коснулся одного из окон, провел пальцем по тонкой трещине, которая вела к чеканному лавровому листку. Единственный листик отделился от стекла.

– Бабушка! – Маримар ударила кулаком в дверь. Когда она отдернула руку, в ее нежной ладони торчал шип. Но она не почувствовала боли.

Рей моргнул от удивления. Вынул из кармана носовой платок и протянул ей.

– На.

Она вытащила шип, но из раны упала только капля крови.

Рей схватил один из корней, у которого, казалось, не было шипов, и дернул. Это было все равно что пытаться сломать железный забор.

– Мы уже *пробовали* сделать это, – раздался голос позади.

Это сказал tío¹⁴ Энрике, второй младший сын Орхидеи, стоявший там, засунув руки в карманы узких брюк.

– Скажи, пожалуйста, что ты можешь сделать, чего мы уже не попробовали за несколько часов.

– Заткнись, Энрике, – рявкнул Рей, пытаясь ухватить корень, не дававший двери открыться. Он пнул виноградные лозы, подобрал большой камень, но они, казалось, только становились толще, гуще.

Энрике усмехнулся, скорее удивленный, чем обиженный тем, что племянник так с ним разговаривает. Затем что-то жестокое промелькнуло в его чертах.

¹⁴ Дядя (исп.)

– Хвала Святым, у тебя наконец-то появился характер.

– Не обращай на него внимания, – пробормотала Маримар и приложила ладони к одному из наименее натянутых стеблями оконных стекол. Внутри было слишком много пыли. Она вспомнила, как с утра по понедельникам они брали моющую жидкость, собственноручно приготавливаемую Орхидеей, и мыли весь дом от потолка до пола. Чем дольше она смотрела, тем сильнее дрожали виноградные лозы, и дом испустил будто громкий стон.

– Что нам делать? – спросила Татинелли, голос ее был похож на шелест листьев на ветру. – Хочется есть.

Реймундо внимательно посмотрел на нее. Последние два года пошли кухне Тати на пользу. Она положила руки на свой круглый живот и села на нижние ступеньки веранды. Ее муж, худой мужчина с загорелыми руками и носом, поспешил к ней. Он был похож на кролика, попавшего в силос. Они все должны были испугаться. Они все должны были прийти в ужас от состояния дома. Но вместо этого злились и расстраивались.

– Помните, она прятала ключи в стволе большой яблони, когда сердилась? – спросил Рей. – Может быть...

– Сад засох, – пренебрежительно сказал Энрике и выпятил грудь, как петух Габо.

Члены семьи, подойдя поближе, в нерешительности остановились на скрипучих ступеньках веранды. Яркая одежда делала их похожими на полевые цветы, пробивающиеся сквозь заросли пожелтевшей травы.

– Что еще вы пробовали? – требовательно спросила Маримар.

– Стучались, – Тиа Флоресиде стала загибать пальцы. – Кричали. Ломали дверь. Дому это *не* понравилось, но Рики никогда никого не слушает. Раньше я пробиралась через черный ход, но и там все закрыто.

– Ей просто нужно время, – успокоил их тío Феликс. Усы у него были черные, хотя густые волнистые волосы давно поседели.

– Ты прав, папочка, – сказала Татинелли в своей милой, мягкой манере.

Если Маримар можно было сравнить с горном, то Татинелли была перезвоном колокольчиков. Маримар всегда удивлялась, как ее кухне удавалось сохранять спокойствие духа. Даже перед лицом самого странного обстоятельства, с какими когда-либо сталкивалась их семья, Татинелли *рассмеялась*.

– Разве это не удивительно?

Рей скрестил руки на груди.

– Я бы сказал по-другому.

– Как же? – пискнул из толпы своим ломающимся голосом Хуан Луис.

– Это трындец, – ответил Рей.

Маримар попыталась подавить смех. Близнецы и Пенелопа были в восторге от словечка и повторяли его, как попугаи. Тетушки же не особо.

Тío Феликс кивнул, дернув себя за кончик подбородка.

– Я начинаю беспокоиться.

– Н-начинаете? – спросил Майк Салливан. Он смял приглашение в комок.

– Чего еще мы ожидали? – Эрнеста вздохнула. – Клянусь, я никогда не вернусь сюда.

– Кто приглашает людей, а потом заставляет их ждать снаружи? – спросила Рейна, жена Феликса. Ее помада размазалась еще больше.

– Тебе не обязательно быть здесь, – напомнил ей Калек-младший, самый младший из потомков Монтойя. Он разгорячился. Хотя он покинул Четыре Реки, чтобы продолжить дело отца и расширить его парфюмерную империю, мать он любил и не потерпел бы ни одного плохого слова о ней.

– Aníñado¹⁵, маменькин сынок, – пробормотала Флоресида младшему брату. – Почему бы нам не позвонить шерифу Палладино?

– Что *он* сделает? Поприветствует корни и пожелает дому хорошего дня? – Энрике пренебрежительно махнул рукой.

– А что *ты* делаешь, кроме того, что стараешься не испачкать свою сшитую на заказ рубашку? – сказал Кaleb-младший.

Эрнеста ткнула его пальцем в грудь.

– Не начинай.

Толпа загудела как осиный рой. Все надеялись услышать что-нибудь от Энрике. Ведь никто из них не знал, как попасть в дом. Они все уехали так надолго, что забыли, как играть в игры Орхидеи.

Рей прислонился к покосившейся деревянной веранде и вытащил сигарету, пока остальные ссорились возле дома, который душили гигантские корни. Тiо Феликс и муж Татинелли, чье имя Рей, кажется, никогда не запомнит, тоже стрельнули у него по сигарете.

– Разве не странно, – прошептал Рей Маримар, – что все мы родственники?

Она взяла его сигарету и затянулась горьким дымом, глубоко втянув его в легкие, пока не почувствовала пьянящий дурман табака.

– Кошки, например, родственники со львами.

Рей забрал у нее сигарету, руки у него тряслись.

– И кто тогда из них мы?

Маримар пожала плечами.

– Не хочу об этом думать.

– Прекратите! – сказала Сильвия, хлопая себя по бедрам, совсем как Орхидея.

Татинелли легонько покачала головой, глядя мимо всех на желтую низкую траву у них под ногами и поглаживая живот ровными, гипнотическими движениями.

– Это не на пользу ребенку.

– Хватит! – крикнул Феликс. – Мы здесь не для того, чтобы подражаться друг с другом.

– На этот раз ты прав, брат. Мы здесь, чтобы забрать то, что нам принадлежит.

Энрике сбросил свой темно-серый спортивный пиджак и сунул его Гастону, а тот передал его своему близнецу Хуану Луису. Парень надел его, и пиджак повис на нем, будто это был плащ.

– Все ждите здесь. – Энрике, засучив рукава голубой рубашки, чертыхаясь, спустился с веранды и пошел за дом. Маримар толкнула Рея локтем, и они последовали за ним. Когда они оказались в зарослях сухой травы, жужжание семьи стихло. Сад действительно засох, но не так, как представила Маримар. Каждое дерево было расколото по центру, словно в него ударила молния.

Они с Реем обменялись тревожными взглядами, но не решились заговорить. Как это случилось? Почему сейчас?

Сад и оранжерея были устланы побуревшими увядшими остатками прежде пышной зелени. Мертвые, гниющие, погубленные, они распространяли зловоние.

– Надо же! – сказала Маримар, закрывая нос рукой.

Энрике подошел к одной из сараек, которая выглядела лучше, чем главный дом: она не была обвита виноградными лозами, хотя на крыше с одной стороны виднелась дыра. Когда Энрике стал открывать дверь, она слетела с петель. Мартин в старости занимался плотницким делом, но сарайка выглядела так, словно ею не пользовались много лет. Кругом валялись кучи дров, топоры, мачете, ручные пилы и поржавевшие ножи для бумаги.

– Жду не дождусь продажи этого ада за миллион грязных маленьких бумажек.

¹⁵ Здесь: ребенок (*исп.*).

Когда рука Энрике сомкнулась вокруг того, что он искал, его ярость прорвалась руганью. – Знаешь, когда я так ругался, Орхидея заставляла меня есть халапеньо, – сказал Рей с порога. – С семенами и всем остальным.

Энрике был полон решимости. Луч солнца падал на него через отверстие в крыше. Он был королем Артуром, только вместо Экскалибура держал искореженное мачете, которым нельзя было разрезать пальмовый лист, не говоря уже о том, чтобы прорубить твердое дерево. Он перекинул ржавое оружие через плечо. Его нефритово-зеленые глаза сияли, он сверкнул отчаянной улыбкой, обнажив все зубы.

– Что ты делаешь? – Маримар шагнула в дверной проем, чтобы преградить ему путь.

– Я устал ждать. Эта женщина сделала мою жизнь невыносимой с того дня, как поняла, что я никогда не поддержу ее древние предрассудки.

– Это не предрассудки, – Маримар чувствовала, как гнев охватывает ее с головы до ног. Но ведь она сама оставила Четыре Реки и все бредни Орхидеи? Почему сейчас она защищает дом?

Энрике горько рассмеялся.

– Продолжай убеждать себя в этом. Вы все еще дети, цепляющиеся за каждое ее слово. Разве ты не поняла? Здесь нет никакой магии или секретов. Это зло. Все, что имеет отношение к Орхидеи, умирает. Вот что достало моих сестер и моего отца. Вот что достало Мартина.

– Мартин умер? – Маримар резко втянула воздух. Она почувствовала холод внутри, как будто там была ледяная скульптура. Мартин со своей широкой, открытой улыбкой. Мартин, который заботился о них как о собственных внуках.

– Она и тебе не сказала? По крайней мере, он спокойно ушел во сне, – сказал Энрике, и впервые в его глубоком голосе прозвучало что-то похожее на сострадание. – Видишь? Ей на всех наплевать. Если ты понимаешь что к чему, ты уходишь. После того как мы все уладим, какая бы у меня ни была семья, она никогда не узнает ни об этом, ни о ней.

Он оттолкнул племянницу и племянника с дороги.

Рей бросил окуроч на землю и прошептал в ухо Маримар:

– Ради блага мира я надеюсь, что у него не будет детей.

– Пойдем, – сказала Маримар и потащила кузена за дядей. – Ему это с рук не сойдет.

Члены семьи Монтойя расступились, давая дорогу Энрике. Энрике, получивший все деньги отца, оставленные ему в доверительную собственность, открыл водочный завод, обслуживающий молодых знаменитостей и миллионеров-плейбоев, одним из которых он мечтал стать. Он ничего так не хотел, как владеть этой долиной. Он бы выкупил ее у семьи, если бы понадобилось. Освоение земель давало большие деньги, и он мог бы увеличить свое состояние вчетверо, если бы правильно повел дела. Но здесь не осталось ничего, что могло бы процветать, теперь ничего.

Он поднял мачете высоко над головой и направился к двери.

– Стой! – крикнула Маримар, но Энрике не послушался и опустил мачете на корни, которые удерживали дверь. Виноградные лозы дрогнули. Корни искривились. Дом издал глубокий, гортанный стон. Но удары мачете наносили ему не больше вреда, чем кулак твердому кирпичу. Энрике не мог остановиться и продолжал рубить корень, который с каждым ударом становился тверже. Другой толстый корень протянулся и ударил его по лицу. Он хмыкнул, а когда повернулся, все увидели на его щеке идеальный отпечаток ладони.

Затем Энрике потянулся к золотым лавровым листьям на стеклянных окнах – и его отбросило с огромной силой. Обернувшись, он увидел вокруг обеспокоенные лица, и впервые в его глазах промелькнуло что-то похожее на страх.

– Стой! – снова закричала Маримар, и на этот раз даже горы вздрогнули от ее крика.

– Проще сжечь его дотла, – сказал Рей, глядя на свою зажигалку. Вишневый огонек сигареты осветил его лицо. Он не имел в виду того, что сказал. Когда-то он любил этот дом. Он

хотел ненавидеть его. И ненавидел, когда был далеко. Но теперь, когда он был здесь, теперь, когда услышал стоны дома, ему хотелось прекратить все это.

Орхидея Монтойя выжила в мире, который не хотел ее, она продолжала существовать, несмотря на магию, которая унесла жизни ее мужей и дочерей. Энрике, хотя и был ее сыном, не понимал ее. Большинство из них не понимали. Не так. Если бы они понимали, то оказались бы внутри дома.

Приходите и заберите. Именно эти слова написала Орхидея. Они приехали сюда по приглашению. Все они.

– Орхидея так не поступает, – сказала Татинелли.

Маримар кивнула. В другое время она бы посмеялась над тем, как Энрике ударили по лицу волшебные корни, но им нужно было войти. Их ждут. Она снова вытащила приглашение. *Приходите и заберите.* Она вспомнила, как бабушка прятала вещи в дуплах деревьев. Как она разговаривала с птицами, которые приносили семена на ее подоконники, и отправляла их с заданиями.

– Помнишь, как моя мама пришла домой пьяная, – сказал Рей, – и, хотя замок не менялся, ее ключ не открыл дверей. Орхидея была у себя и запретила нам впускать маму.

– Да, – сказала Маримар. – Но я не помню, как она в конце концов вошла.

– Мама сказала, что просто извинилась и вежливо попросила, но теперь я не помню, говорила она о доме или об Орхидее.

– Может быть, нам надо вежливо попросить, – предложила Татинелли.

Все засмеялись, но Маримар ухватила за эту мысль. Никто не хотел, чтобы его вызывали, никто по-настоящему не хотел быть *здесь*. Никто из других Монтойя не проявил себя. Они столкнулись с препятствием и сдались, поскольку не могли найти решение. Но, возможно, они его все же нашли.

Татинелли неловко встала, живот тянул ее вниз. Рей стоял ближе всех и поддержал ее. Она поднялась по пяти ступенькам веранды и остановилась перед дверью.

– Я пришла забрать, – сказала она. Голос ее напоминал звон колокольчиков на ветру.

И мгновенно корни ослабили хватку на дверной ручке. Дом издал глубокий вздох, который потряс все строение. Стрекозы и светлячки запорхали в открывшемся темном коридоре, их мягкое сияние осветило помещение. Половицы проглядывали под слоями грязи, которая, должно быть, попала внутрь вместе с корнями и виноградными лозами, прорвавшимися сюда, как сквозь рваные швы.

Маримар и Рей не стали дожидаться остальных. Они устремились за Татинелли и повернули налево в гостиную, где Орхидея любила сидеть лицом к камину, попивая бурбон, когда солнце садилось за долиной. Ее долиной.

Старая колдунья была там же, где и всегда. Ее теплая смуглая кожа потрескалась, как пересохшая земля, а волосы, все еще черные, несмотря на годы, были заплетены короной вокруг головы.

Черные глаза щурились, рот расплылся в мрачной улыбке.

Рей почувствовал, как его сердце сжалось от облегчения и ужаса одновременно.

– Mamá¹⁶? – ахнула Маримар.

– О, боже, – сказала Татинелли, нажимая на живот, где сильно брыкался ее ребенок.

– Ни хрена себе, – пробормотал Рей, потянувшись за сигаретой, но они кончились.

– Разве я тебе не говорила, чтобы ты не паялился? – спросила Орхидея; голос был сильным и хриплым, как всегда.

– Правда? – Рей усмехнулся.

¹⁶ Мамочка (исп.).

Потому что как можно было не паяться? Орхидея Монтойя была такой же, как всегда, но только от талии и выше. К остальному нужно было привыкнуть.

Тонкие зеленые побеги росли прямо из ее запястий, внутренней части локтя, впадинок между сухожилиями пальцев как продолжение вен. Они обвились вокруг кресла с высокой спинкой, обитого тканью с вышивкой в виде лаврового листа. Бутоны цветов размером с жемчужину расцвели на ветвях, проросших из ее прекрасной кожи.

Ее переливчатое синее платье открывало колени, где плоть и кости заканчивались и началась толстая коричневая древесная кора. Ее ноги, теперь превратившиеся в корни, бросались в глаза. Эти корни прорвались сквозь половицы и зарылись прямо в землю, ища, за что зацепиться.

7. Девочка и речное чудище

До того как она появилась в Четырех Реках, до того как она пришла, чтобы украсть свою силу, до того как ее мать вышла замуж, Орхидея была обычной девочкой, проводившей большую часть дней у реки. Пока она впервые не почувствовала вкус невозможного. В тот же день она заключила сделку.

Это случилось во время необычайно засушливого лета, когда никто не мог поймать ни одной рыбы. Даже Панчо Сандовал, который ловил рыбу в одном и том же месте со времен, когда еще был младше Орхидеи. Панчо был стройным, но мускулистым, его тело вылепили голод и физический труд, его кожа стала красновато-коричневой от времени, проведенного под экваториальным солнцем. Он был обеспокоен. Все были обеспокоены. Отсутствие рыбы означало, что продавать будет нечего. Еды не будет. А отсутствие еды и денег означало болезни.

Все в городе чувствовали напряжение. Рабочих мест было мало. Офис Изабеллы сократил ее. Она устроилась на работу уборщицей в дома за плату гораздо меньше обычной. В течение нескольких недель они ели только белый рис с яичницей. Орхидея сделала единственное, что могла. Она прогуляла школу и пошла по знакомой дороге до конца пирса.

Río¹⁷ Гуаяс всегда была глинисто-коричневой, плодородная земля передавала ей свой цвет. Колючие зеленые водоросли плавали по поверхности воды и всегда цеплялись за сеть Орхидеи. В воздухе ни малейшего ветерка. От жары не было никакой передышки. Даже река казалась слишком теплой, чтобы в ней плавать.

– Панчо, можешь одолжить мне лодку? – спросила она, прикрывая глаза рукой от солнца ладонью.

– В реке ничего нет, – сокрушался он. – Кое-кто из нас подумывает отправиться немного южнее, чтобы поймать удачу.

– Да, я тоже.

– Ты должна быть в школе. Вот я в школу не ходил. А теперь посмотри на меня.

Она посмотрела на него. Панчо умел плести гамаки быстрее, чем кто-либо другой. Мог переплыть Гуаяс, как рыба. Мог взобраться на манговое дерево босыми ногами. Но гамаки были никому не нужны, рыбы не было, а манго в то лето были твердыми, как камень. У некоторых людей просто был талант, но они родились бедными, некрасивыми или невезучими, и они могли лишь сказать: «Посмотри на меня», – и стараться изо всех сил.

– Я смотрю на тебя, – сказала Орхидея. – У меня есть предчувствие. Мне нужно быть здесь. Позволь мне взять твою лодку, я поделюсь с тобой всем, что поймаю.

Панчо вытер пот с лица полой рубашки и хрипло рассмеялся.

– Не знаю, ты дитя дьявола или ангела.

Орхидея пожала плечами. Она уже встретилась со своим отцом, и он не был ни тем, ни другим.

– Хорошо, – смиротворился он. – Я пойду с Хайме и мальчиками.

Десятилетняя упрямая девочка взяла лодку. Рукам было больно от тяжести весел. У нее кружилась голова от выпитых утром кофе и воды. Перед ней расстился Гуаякиль – постоянно меняющийся пейзаж, вечно воевавший сам с собой. В его земле была кровь воинов. В его реке. А потрясения порождают чудовищные вещи.

Время мифов давно прошло, но истории все еще ходили среди людей. Истории, которые она слышала из морщинистых уст женщин, которые были свидетелями и пережили не только смену столетия. Они рассказывали о духах воды, которые любили подшучивать над людьми. Чтобы те знали свое место, ползая в грязи с засыпанными песком глазами.

¹⁷ Река (исп.)

За то время, что Орхидея ловила рыбу, она встретила немало странных вещей. Необъяснимых. Рыбу с человеческими зубами, голубого краба размером с черепаху, ящерицу с двумя головами. Она слышала, как ветер говорил с ней, когда она оказывалась в нужном месте. Ей казалось, что она видела человеческое лицо, высунувшееся из воды, а потом уплывшее к берегам Дурана.

– Я знаю, что ты здесь, – сказала она.

Она не видела дна. Из-за размыва грунта она едва могла разглядеть плоский конец одного из своих весел. Она подняла весло, перевернула его и положила поперек сиденья.

– Я знаю, что ты здесь, – повторила она, на этот раз громче.

Орхидея встала, позаимствованная ею лодка покачивалась на воде. Мимо проплыла куча листьев с пластиковой бутылкой в центре.

– Если ты скажешь мне, чего хочешь, я найду способ помочь тебе, – сказала она.

Жар обжигал шею. Орхидея ладонью зачерпнула воды и плеснула себе на кожу. Она села, уперев локти в колени. Мать всегда говорила ей, чтобы она так не сидела, что дамы сидят, скрестив ноги и прикрывая их. Но на реке она не была дамой. Она была такой же, как и все, кто хотел получить ответы и, возможно, небольшую помощь.

Река успокоилась. Ветер стих. Даже корабли и машины, чьи звуки ощущались в городе как постоянный крик, будто замерли.

Какое-то существо выползло из темноты и перелезло через борт лодки.

У Орхидеи не было для него другого слова, кроме как «чудище». Но каково было это чудище на самом деле? Она не двинулась с места, не выказывая ни страха, ни отвращения при виде его крокодильей морды и тела человекоподобной рептилии ростом менее трех футов. У него было узорчатое, как у черепахи, брюхо. Она не заметила ни половых признаков, ни пупка. Перепончатые лапы заканчивались острыми желтыми когтями, но не такими острыми, как зубастая улыбка.

– Чего ты хочешь, Незаконнорожденная Дочь Волн? – спросило создание.

– Меня зовут Орхидея.

– Ты не носишь имени своего отца. Но он из моря. Моряк до мозга костей.

– Я не предъявляю прав на него.

– Да, но вода предъявляет права на тебя. Отсюда – твое имя. Итак, чего ты хочешь?

Орхидея решила не спорить с речным чудищем.

– Я хочу, чтобы ты привел рыбу обратно. Люди голодают.

– Какое мне до них дело? – сказала крокодилообразное чудище, прижимая когтистую лапу к груди, словно возмущенное обвинением. – Я жил в этой реке еще до появления людей. До того, как железо и дым загрязнили эти воды. Я жил в этой реке до того, как она стала красной от крови, а люди подожгли берега. Какое мне дело до того, что люди будут голодать?

Пот стекал по вискам Орхидеи. Но не потому, что она была напугана, а потому, что ее внутренности выдавливали воду, словно ее тело было мокрой тряпкой.

– Я знаю, почему ты злишься. Мир плох, но иногда случаются хорошие вещи. Но если ты был здесь еще до того, как на эти берега пришли чужаки, зачем морить нас голодом сейчас? Почему ты злишься сейчас?

Существо повернуло морду в сторону. Желтые зрачки рептилии уставились на нее, не мигая.

– Я всегда был злым, Незаконнорожденная Дочь Волн. На днях я был на мелководье возле острова Пуны и наблюдал за кораблем, который сбрасывал мусор в воду. Меня завалило им на несколько дней, и никто не пришел мне на помощь. Другие рыбы и крабы не могли меня услышать.

– Как ты выбрался?

Чудище долго молчало, устрояюще замерев.

– Маленькая девочка рылась в мусоре. Она расчистила мне дорогу. Я испугал ее.

– Значит, ты ненавидишь нас и моришь голодом, хотя тебе помогла девочка. Это кажется несправедливым.

– Как ты вообще узнала, что я здесь? Никто не знает моего имени.

– Кто-то знает. Кто-то помнит тебя. Когда я была маленькой, тут жили старухи, которые рассказывали о чудище-крокодиле, поджидающем у берега. Однажды оно боролось с рыбаком и проиграло.

– Я не проиграл, – возразило чудище мрачно, со злостью. – Он сжульничал. В любом случае, я не понимаю, почему ты пытаешься им помочь. Я вижу тебя на берегу с тех пор, как ты выросла настолько, чтобы ходить одной и помнить дорогу домой. Или, возможно, эта река – единственный дом, на который ты претендуешь.

Орхидея пожала плечами.

– Пока у меня есть место, где можно преклонить голову и где крыша не протекает, со мной все в порядке. Причина, по которой я беспокоюсь: мне тоже нужно есть.

– Тогда я предлагаю тебе сделку. Я позволю тебе ловить рыбу в течение двух лет.

Она покачала головой.

– А как насчет Панчо, который одолжил мне эту лодку? Тина, который заварил дыру на дне, чтобы лодка не утонула? Грегорио, который сделал ему сети? Это уже не один человек.

– Они не твоей крови, – напомнило ей речное чудище.

– Верно, но они часть этой реки, а река – моя кровь. – Она насмешливо улыбнулась. – Ты сам это сказал. Я – Незаконнорожденная Дочь Волн. Может быть, это делает нас с тобой двоюродными братом и сестрой. В некотором роде семьей.

Речное чудище щелкнуло нижней челюстью в воздухе, но Орхидея только рассмеялась, совсем не как дама, грубо и дивно.

– Как насчет того, – сказала она, – что половину пойманного в сети я буду возвращать тебе?

– Ты можешь пообещать это от имени всех?

– Нет, только от своего. Если ты хочешь заключить сделку со всеми рыбаками, тебе придется показаться им.

Речное чудище издало змеиное шипение и еще некоторое время смотрело на Орхидею, пока их лодку мягко толкало течение реки Гуаяс. Чудище так устало от этого мира, от этих людей. Все, чего ему когда-либо хотелось, – уважения. И Орхидея здесь, потому что признаёт его.

– Договорились, – сказала речное чудище. Оно переползло обратно через борт лодки. Последним исчез под водой загнутый назад хвост.

Орхидея поплыла обратно к берегу и оставила лодку Панчо, привязав ее к пирсу рядом с остальными. На следующий день она рассказала ему о сделке и о том, что все они должны сделать то же самое. Конечно, ей никто не поверил, но Орхидея сдержала слово. С тех пор, сколько бы она ни поймала, половину она бросала обратно в воду. Когда местные жители увидели, что у этой девочки, недоростка, которую они называли невезучей, есть улов, они сами попытались заключить сделку с рекой. Кто-то убирал бутылки и банки с берега. Кто-то предлагал взамен истории и беседы. К концу сезона жара спала, вернулась и рыба, и дожди.

Речное чудище никто никогда не видел, кроме Орхидеи, хотя ходили слухи, что его заметила парочка американских туристов, которые в своем веганском блоге публиковали снимки экзотической дикой природы. Но они выложили только размытый кадр.

Древнее существо в день смерти Орхидеи почувствовало сигнал, переданный корнями земле и морю. И впервые за много веков речное чудище заплакало. Ведь они были в некотором роде семьей.

8. Обретение удачи

Орхидея вцепилась в подлокотники кресла и смотрела, как ее дети и внуки заполняют гостиную.

– Вы все опоздали, – сказала она грубым, как гравий, голосом.

– *Мы* пришли вовремя, – сказал Энрике, протискиваясь вперед. На его щеке еще виднелся отпечаток руки. Он сорвал с себя испорченный шелковый галстук и бросил его на пол. – Мы ждали снаружи несколько часов.

– Рики, – Феликс тихонько сжал плечо брата. – Теперь мы здесь.

– Abuelita¹⁸, ты как дерево, – сказал Хуан Луис.

Близнец толкнул его локтем. Прищелкнув языком, Гастон театрально прошептал:

– Братан, нельзя же просто сказать, что бабушка – дерево.

– Но это так!

Один за другим они подходили к Орхидее. Обнимали ее. Целовали в щеку, в лоб. Сжимали грубые, морщинистые руки, покрытые крошечными веточками. Все, кроме Энрике, который пристально смотрел на огонь в камине. Когда он обернулся, в его зеленых глазах мерцали язычки пламени.

– Mamá Орхидея! – крикнула Пенелопа. Тринадцатилетняя, но еще совсем ребенок. Такой в ее возрасте Орхидея себе не могла позволить быть. Густые кудри заплетены в косы – и это делало ее на вид еще младше. Пенни подбежала к бабушке, опустилась рядом на пол и уткнулась лицом ей в колени. Орхидея закрыла глаза и глубоко вздохнула, нежно поглаживая плечи внучки.

– Мама сказала, что мы едем на твои похороны. Но ты все еще здесь. Ты на самом деле умираешь?

– Еще несколько часов нет.

Пенелопа подняла на нее широко раскрытые карие глаза с наивным беспокойством.

– Ты застряла?

– Когда я родилась, – начала Орхидея, – это было четырнадцатого мая, – я вышла только наполовину. Доктор и медсестра думали, что я умерла. Пока не достали меня в первые минуты после полуночи. Мать часто говорила мне, что из-за этого я всегда буду жить на переходе жизни. И смерть оказывается такой же. Так что да, Пенни. Думаю, я застряла. Я до конца ни здесь, ни там.

Тетя Сильвия налила себе немного вина и задумчиво кивнула. Ей нравилось давать рассказам матери рациональную интерпретацию.

– Скорее всего, это случилось из-за предлежания плечика, а может, из-за формы утробы твоей матери.

– Четырнадцатое мая, – проговорила Маримар. – Это сегодня.

– Я думала, ты терпеть не можешь дни рождения, – сказала Эрнеста, потирая свою кривую переносицу. – Ты никогда их не праздновала. Я даже не знала, какого он числа. А вы?

Ее братья и сестры покачали головами, как будто никто из них никогда по-настоящему не думал о том, что не знает, когда родилась мать. Маримар, как и Рей, рылась в документах, но так и не нашла свидетельства о рождении или какого-либо доказательства. Доказательства чего? Что бабушка реальный человек, а не пришелец из далекого волшебного царства?

– Я не утруждала вас своими днями рождения. Вот почему я прошу вас всех отпраздновать мою смерть.

– Отдает патологией, – сказал Рей. – Но так уж вышло, что мне нравится патология.

¹⁸ Бабуля (исп.).

Орхидея уставилась на тлеющие угли в камине. На мгновение ее глаза стали молочно-белыми, но затем она моргнула, и темные радужки вернулись.

– Я знаю, что у вас есть вопросы. У меня нет ответов. Я сделала все, что могла. Я знала цену *у lo hice de todos modos. Ya no tengo tiempo.*

Семейство обменялось обеспокоенными взглядами. Орхидея никогда не переходила с языка на язык. Маримар и некоторым другим потребовалось некоторое время, чтобы мысленно перевести слова с родного языка Орхидеи. Она знала цену *и все равно сделала это. У нее нет времени.* Маримар сделала неуверенный шаг вперед. В ее представлении Орхидея была величественна, как гора, и непостижима, как море. Она устанавливала жесткие правила. Наполняла их умы фантазиями. Она могла смеяться и через секунду запереться у себя в комнате. Как будто внутри нее была какая-то щербинка, рана, передававшаяся всем детям и, возможно, внукам. Но в женщине, которая преображалась сейчас перед ними, Маримар заметила то, что не привыкла видеть в бабушке, – страх.

– Все в порядке, ма, – сказал Кaleb-младший, его голос был мягким, но на лбу образовались морщины.

Энрике поморщился.

– *Ничего* не в порядке.

Раздался шелестящий звук, как будто ветром унесло листы бумаги. Уши заложило. Заскрипели половицы и петли. У входа в гостиную появилась группа незнакомых людей. Пятеро. У них были общие семейные черты – смуглая кожа, черные волосы и надменные улыбки. Все они выглядели так, словно сошли со старой фотографии шестидесятых годов. Три женщины, все в платьях. Двое высоких мужчин в белых рубашках на пуговицах, заправленных в коричневые брюки с ремнем. Несмотря на то что все сжимали в руках приглашения, они казались незваными гостями. Воробьи среди колибри.

Феликс, как всегда дипломатичный, махнул им рукой, приглашая войти.

– Добро пожаловать!

– Кто они, черт возьми? – прошептал Рей в ухо Маримар.

– Тайная семья? – предположила она.

У Маримар возникло смутное ощущение дежавю, словно она встречала их раньше.

Одна из женщин принялась. Ее карие глаза остановились на Орхидее с тихой обидой. Она обратила внимание на пыль, покрывавшую почти каждую поверхность в комнате. Заметила грязь на своих практичных черных туфлях. Коснулась золотого образка с изображением Девы Марии у себя на груди.

Преодолев неловкость, старший мужчина из группы подошел к Орхидее, которая каким-то образом умудрялась выглядеть как королева, укоренившаяся на своем троне.

– Вильгельм, – приветствовала его Орхидея.

– Сестра, – сказал он. Звук его голоса доходил с некоторой задержкой.

– Сестра? – повторила Флоресиде.

Маримар вдруг почувствовала уверенность и, усмехнувшись, спросила:

– Кто это?

– Буэнасуэрте, – объяснила Орхидея. – Мои братья и сестры.

– Я думал, ты единственный ребенок в семье, – сказал Кaleb-младший.

Орхидея величаво покачала головой. Виноградные лозы, растущие из земли, обвилились вокруг ее стула, покрываясь зелеными бутонами. Ее глаза побелели, потом снова почернели.

– Она сбежала от нас после того, как мама вышла замуж за нашего отца, – сказал Вильгельм.

Он стоял рядом, но казалось, будто сошел со старой фотографии с оттенком охры или жженой сиены. Маримар заметила это сразу, но теперь это стало очевидно. Словно чем дольше они там стояли, тем более блеклыми становились.

– Я убежала, потому что предпочла попытать счастья на улице, чем провести еще одну минуту под крышей Буэнасуэрте, – ответила Орхидея. – Ты позаботился об этом.

Вильгельм втянул воздух сквозь зубы.

– Мы были детьми, а ты – слишком чувствительной. Ты всегда была чересчур нежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.